

Лиля Каттен

После неё
ИЗМЕНА

Ли́ла Катте́н
Измeна. После нее
Серия «Измeны», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69332365

SelfPub; 2023

Аннотация

– Не мучай меня, – игриво просит незнакомка, обращаясь к моему мужу. – Да, детка, – отвечает он и комнату заполняет ее громкий стон, а мое сердце, превратившись в кусок стекла, подобно тому зеркалу, в котором я вижу отражение их сплетенных на широкой кровати тел, падает на пол и разбивается.***12 лет брака казались большим сроком. Но наш превратился в руины. Один неверный шаг и словно не было любви нас связывающей. Теперь я стою на пороге, не зная, что делать. Простить или прошептать последнее «Прощай!»

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	23
Глава 4	35
Глава 5	50
Глава 6	60
Глава 7	79
Глава 8	86
Глава 9	98
Глава 10	107
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Ли́ла Каттен

И́змена. После нее

Глава 1

Паришивый день напомнит о тех, в которых было много счастья...

– Лиль, пообещай, что все будет хорошо? Не заставляй нервничать больше, чем есть уже.

Обнимаю дочь, ожидая, когда за ней спустится подруга.

– Мам, как всегда, – закатывает глаза, но видит в моих лишь то, что мне нужно ее обещание. – Лааадно, обещаю.

– Вот и отлично. Я приеду за тобой к двенадцати.

– Все будет отлично. Лиза устроила вечеринку для девочек в честь дня рождения, тетя Ира будет у соседки и, если что сразу придет.

– Знаю. Просто очень тебя люблю.

Лиза выходит и, радостно поприветствовав нас обеих, хватает за руку мою девочку.

Я не параноик. У меня хорошая почти совершеннолетняя дочь, в ней я точно уверена, но я не могу быть уверена в тех людях, что нас окружают.

Интересно, это оправдывает мое полуобморочное состоя-

ние?

Да, я очень переживаю. Не стану юлить и говорить, что я такая супермама, которая ни капли не волнуется и отправляет дочь с легким сердцем набивать свои шишки. Таких, наверное, вообще не существует. У нас отличные отношения с Лилей. И я стараюсь не показывать ей то, что творится внутри, но она знает, как я чувствую себя на самом деле.

Стою еще пару минут, вдыхая морозный воздух февраля и, взяв себя в руки, сажусь в машину. На часах только семь, поэтому, объехав вечернюю пробку, решаю заскочить в «Мишель» и заказать наши с Тимуром любимые блюда с собой. Устрою и нам интимный вечер с мужем, раз и сын на этих выходных у моей мамы.

В дороге набираю супруга, но он не отвечает. Поэтому принимаю решение за двоих и заезжаю еще в винный магазинчик.

Дома меня ждет новый комплект черного кружевного белья. Который я все никак не могла показать Тиму. Часто бывает, что либо болеет кто-то из детей, либо мы оба возвращаемся поздно с работы и доходя до кровати поздно ночью хотим лишь одного – спать.

И это не потому, что наш брак длится больше десяти лет. Совсем нет. Тимуру всего сорок, а мне тридцать пять, но, между нами, такой огонь, что не потушить. Просто добавь пару дровишек и получишь пожар.

Включаю музыку погромче и не замечаю, как доезжаю до

нужного места.

Паркуюсь перед рестораном, где, кажется, перегорел один из фонарей и вылезаю. Но не успеваю сделать даже шага в сторону красивой, белоснежной вывески с красными неоновыми буквами, как двери «Мишель» открываются, и из них выходит длинноногая брюнетка в обнимку с мужчиной так похожем на... моего мужа. Одетого уже в не настолько строгий костюм. Потому что его галстук, который я повязала на его шее утром, висит расслабленно, а белая рубашка расстегнута сверху на несколько пуговиц.

Они открыто улыбаются друг другу и, не видя ничего вокруг целуются остановившись. Так, что я даже вижу, как язык Тимура скользит в ее рот. А руки то и дело прикасаются к ее выдающимся частям тела. К слову, девушка и сама одета в классический костюм: юбка-карандаш, блузка и расстегнутый, видимо, для быстрого доступа его огромных ладоней, пиджак, ну и совершенно не согревающую короткую шубу.

Мое тело, задеревеневшее от испытываемого потрясения, не поддается совершенно голосу разума «развернуться и бежать куда глядят глаза». Вместо этого я просто стою и наблюдаю за парой, которая, медленно шагая направляется в тот самый отель, где мы с моим мужем не раз оставались на ночь после вкусного ужина, отдохнуть от детей и побыть вдвоем, наслаждаясь друг другом ночь напролет.

– Он не мог... – наконец выдаю дрогнувшим голосом, больше похожим на скрип пенопласта по стеклу. – Только

не он...

Шаг, второй... третий... Сердце не чувствую совершенно, потому что оно стучит через раз, как и мое дыхание, которое будто пропадает и появляется, только когда становится невыносимо без кислорода.

Прозрачная, тяжелая дверь остается позади.

Ресепшен.

– Добрый вечер, – улыбаюсь девушке так хорошо мне знакомой. – Вы ведь узнаете меня?

– И вам, Кира Владиславовна. Решили вновь забронировать номер?

– Если бы, – опускаю глаза, потому что не могу поверить в то, что собираюсь делать. – К вам только что вошли мужчина и женщина... – смотрю в ее глаза, надеясь, что мне не придется говорить вслух о том, что мне нужно.

– Эм... – она смотрит на монитор, словно ей жаль и необходимо просто перевести дыхание. Она все знает. Потому что и его узнала. Понимает.

Хотя, что тут можно понять?

– Оксана, – произношу ее имя с мольбой, но сама до конца не уверена в том, что хочу предпринять.

– Кира, простите, но...

– Прошу вас. Я куплю номер. Самый дорогой номер вашего отеля. Только...

– Я не могу, – шепнула отчаянно, снова опустив глаза вниз.

– Я понимаю, – уголок моих губ дергается, что больше напоминает нервный тик, а не попытку улыбнуться. – Это вы меня простите.

Хочу развернуться и уйти, но глаза отвожу в сторону двух лифтов, один из которых остановился на десятом...

– Он не мог, – безвыходно произношу, понимая, что, скорее всего, именно так и сделал Тимур.

Тот же ресторан, тот же отель... и номер, и кровать...

– Кира Владиславовна, – окликает менеджер и я в надежде на ее помощь, быстро оборачиваюсь, – а вы не хотели бы остановиться в нашем номере десять-ноль-два?

– А тысяча первый, занят? – зачем-то спрашиваю, на самом деле не желая слышать ответ.

– Сегодня занят.

Вот так просто? Он взял и... Мой муж? Как давно он перестал быть моим? Как давно предает меня в руках чужой женщины?

Всхлип вырывается внезапно быстро, что не скрыть от посторонних глаз.

– Простите, – отворачиваюсь и стираю слезы ладонями, которых этот мужчина не может быть достоин. Не может...

– Возьмите. Так я оформляю вам номер на ночь? – доносится до меня голос позади.

Часто киваю головой, встав лицом к стойке администратора.

– Да, пожалуйста. Оформляйте, – беру предложенный ею

бумажный платок из коробки, решая, что я должна удостоверить себя в том, что видели мои глаза. Чтобы... не знаю...

В мою ладонь ложится ключ-карта, которая, кажется, двоятся.

– Но...

Поднимаю глаза на девушку, что уже делает вид, будто занята другими делами и улыбочиво желает мне «приятного отдыха» в их отеле.

Кое-как дохожу до серебристых дверей лифта и жму кнопку. Створки открываются и войдя, уносят меня наверх.

Озноб в теле становится сильнее, и я ощущаю тошноту, попеременно с головокружением.

Что я буду делать, до сих пор не имею представления. Я даже не уверена в том, что мне хватит смелости войти туда.

В последний раз я шла по этим коридорам в Новый год. Точнее, второго января. Совершенно счастливая, в обнимку с моим пока еще верным и любимым всем сердцем мужем. Сейчас я даже не уверена в том, что оно продолжает биться.

Останавливаюсь напротив номера, за дверью которого мое счастье смешивается с черным и злым предательством измены и не шевелюсь.

В голове туман, проникает в каждый уголок моего мозга и отравляет своим ядовитым паром.

– Сейчас или никогда.

Я уже тут. Нет смысла делать вид, что я ничего не видела. Да и вопросы задавать проще, когда тебя не так просто будет

обмануть ответом, который ты знаешь однозначно.

Вдох. Ключ. Тихий щелчок. Дверь.

Попадаю в убранство современного дизайна. Серые стены. Бордовый ковролин. Приглушенный свет. Запах парафина с ароматом лепестков роз и тихий женский смех.

– Тим, ну не мучь меня, – игриво хнычет незнакомка, обращаясь к моему предателю мужу.

– Да, детка, – отвечает он и комнату заполняет ее громкий стон, а мое сердце, окончательно превратившись в кусок стекла, подобно тому зеркалу, в котором я вижу отражение обнаженных тел, сплетенных на широкой кровати, падает на пол и разбивается.

Глава 2

Любимым людям, удается причинить самую неизлечимую боль

Мир разъезжался в разные стороны, словно его тянули чьи-то руки. Искажался и пугал меня, пока я бежала по лестнице с десятого этажа. Бежала как сумасшедшая, как... преданная только что и униженная тем, которого так же сильно любила, как сейчас, ненавидела. Да, я была именно этой девушкой.

Без оглядки, без остановок.

Вернула администратору пластиковые куски, кое-как поблагодарив и понеслась прочь.

Морозный воздух не отрезвлял и не давал сделать новый вдох.

Он ловил маленькое облачко пара, которое я выдыхала часто-часто и больше ничего.

Забыв про осторожность, понеслась через дорогу, а увидев машину, стала тормозить, поскользнувшись, но чудом не попав под колеса.

Мужчина, высунувшись из салона огромного внедорожника, крикнул что-то, но я его даже не слышала, уползая подалее на обочину.

Первая слеза скатилась по щеке, когда я встала коленями

и руками в грязный снег. Вторая была после того, как я обессиленно села на холодную землю.

Я знала, что должна была скорее уезжать, но у меня не получалось даже пошевелиться.

– Вы в порядке? Может, ударились? – услышала откуда-то сверху глубокий мужской голос и подняла голову с колен.

Тот самый грубиян-водитель, недавно обматеривший меня последними словами за меня, беспокоился?

– Нет, я не в порядке. Но вам рассказывать об этом не стану. Простите, – встала и вновь не смотря по сторонам пошла к припаркованной напротив ресторана машине.

Дом встретил оглушающей тишиной, а как я до него добралась, вообще не помню.

Это была мертвая тишина. А может быть, в тот момент просто умирала моя любовь, и все вокруг умолкло, чтобы не мешать. И соседский пес, вечно лающий под окнами, и сильный ветер, внезапно стихший.

Пара шагов чуть дальше от порога и на меня обрушилась вся прогнившая правда ситуации, подкосила и ударила по голове.

Внутри образовывалась пустота. словно любовь к моему мужу вытесняя, заполняя ядом предательства.

Он сейчас с другой женщиной, а потом придет и скажет о том, что задержался на работе? Поцелует губами, которыми касался ее...

Липкое отвращение покрыло все мое тело, и я побежала

в ванную. Мне хотелось смыть с себя все, достать до самого нутра, чтобы вычистить даже память о нем и о том, что видела.

– Грязный обманщик. Подлый лгун.

Эпитеты лились из меня как вода из лейки душа. Таким же тропическим ливнем омывая меня. Но это не помогало. Нисколечко.

– Как же ты мог, Тимур? Как ты мог? – скрутилась на полу, обдаваемая горячей водой и заплакала, потому что на большее я сейчас не была способна.

Все ложь. И его опоздания на наши ужины и его задержки на работе. Все было ложью?

Как давно она живет со мной на одной территории прекрасного дома, который мы покупали, когда Мише едва исполнилось три года, то есть восемь лет назад?

Как давно мы делим нашу постель на троих?

Соскребаю себя с пола и, стерев с онемевшего тела воду, накидываю халат. Прохожусь по нашей спальне словно чужая и останавливаюсь напротив зеркала огромного шкафа-купе.

– Тебя предавали каждый день, – шепчу своему отражению, – а ты этого даже не заметила.

Ухмыляюсь женщине в зеркале и иду дальше. Спускаюсь по лестнице. Падаю на диван в гостиной и, поджав ноги поближе к своей растерзанной болью груди, включаю телевизор, иначе эта тишина меня убьет.

Прибавляю громкость, еще и еще, но в ушах по-прежнему слышу ее слова, ее смех, ее чертов стон... Закрываю глаза, а вижу их поцелуй и руки, разгуливающие по телам друг друга.

Он смотрел на нее не как на новую знакомую. Не как на девушку, с которой решил впервые уединиться. Это не в первый раз. С ней, не в первый раз.

Лежу и думаю о том, каким образом в его душе и в его жизни, появилось место для постороннего человека? Как так вышло?

Знаете, как плачет сердце? Каждая слеза, стекая по нему, оставляет длинный порез, пропитанный кислотой, болью и разочарованием. Когда оно истекает кровью, его бег замедляется, но вы дышите и чувствуете эти слезы вновь и вновь. Они становятся каким-то месивом терзая вашу память, нанося новые отметины, перемещаясь дальше. Это полное поражение. После такого не восстанавливаются. Не остается никаких надежд и даже эмоций. А самое ужасное, что приходится жить дальше.

Но как я буду дальше жить не знаю.

Я даже не понимаю, куда мне идти. К какому выводу? Что говорить? Телефон откуда-то из прихожей оповещает о входящем сообщении и мне приходится встать, чтобы посмотреть, почему он сегодня задержится. Я ведь знаю, что в восемь прийти домой, это значит задержаться, а на часах уже начало девятого.

«Милая, у меня новый клиент в фирме. Немного задер-

жусь, ужинай без меня. Люблю.»

– А кого ты любишь, Тим? Точно не меня.

Читаю строки обмана вновь, пока текст не начинает расплываться от накативших слез.

Шмыгаю носом, который забился, что не продохнуть, и оставляю его сообщение неотвеченным. Вряд ли он заметит, что это впервые в нашей длинной совместной жизни.

Вновь укладываюсь на диван, прихватив плед, и не придумываю ничего лучше, чем включить мой любимый фильм.

Но надолго не хватает этого покоя от знакомых кинематографических картин. Все равно я продолжаю думать о том, что сейчас происходит в номере отеля, который мы не раз делили с ним вдвоем.

Что заставило моего до сих пор верного мужа перечеркнуть эти годы счастья?

Я же помню до мелочей нашу встречу.

Воспоминания. Кира

14 лет назад

– Кристина, это точно девочка? Потому что я могу подстраховаться и купить нечто нейтральное на всякий случай, – спросила у своей подруги по телефону, заходя в детский магазин за подарком для ее ребенка, который появится на свет уже очень скоро.

Мы дружим с ней много лет, как и наши матери. Дружба

поколений – так мы называем данный факт и когда-нибудь надеемся, что, пройдя стадию вырывания косичек и отбирания горшка, наши дети также станут не разлей вода. Я ее обожаю. Мы вместе поступили в университет после школы, предварительно закончив ее также вместе. А до этого ходили в один детский сад. Подруги с пеленок.

Сейчас Крис находится на восьмом месяце беременности, от своего жениха Степы. Они не расписаны пока что, но с этим делом не торопятся. Теперь уж точно. Им достаточно любви, а беременность отнимает у подруги очень много сил. Поэтому свадьба ей сейчас не нужна совершенно.

Вчера они узнали, что у них будет девочка (и я была с ними) которая до этого, видимо, очень стеснялась и оставляла нас всех в неведении. Я так вообще была уверена в том, что это мальчик. Поэтому сегодня я побежала в детский магазин купить игрушку.

Кристина называет малышку зайцем, потому что та словно прыгает внутри нее, а не просто шевелится. Я и сама ощущала это месиво не раз и это прекрасно. Там бойкая девочка, я вам скажу. Поэтому я хочу купить именно зайчика.

Магазин встретил меня огромным выбором самых разных пушистых зверей. Как же я люблю этих плюшевых друзей, не удивлюсь если выйду отсюда с подарком и для себя самой.

– Да я уверена. Врач сказала, что ошибки быть не может. Но еще есть время для подарков, ты слишком торопишься Кир...

– Я даже не буду слушать твои возражения. Моя крестница будет купаться в игрушках, – недослушав выпалила, наметив цель.

– Эй, мы не станем баловать ее, ты забыла наш уговор?

Началось. На самом деле, мы действительно говорили об этом. Они с парнем согласны в том, что игрушками заваливать ребенка не будем. Но как с этим справиться? Кто-нибудь знает лекарство?

Я ее так люблю и скупил бы полмагазина уже на следующий день после того, как мы узнали о беременности подруги.

– Ладно, только одну, честно. Ты не имеешь права мне это запрещать, – засмеявшись, я отправила ей в трубку поцелуй и отключилась.

Ну что, мне нужен отдел длинноухих очаровашек.

Выбор сделать очень трудно. Я же стану крестной малышки, для меня это важный этап жизни. Теперь понимаете, почему я с таким трепетом и ответственностью подхожу к выбору ее первой игрушки. Может, она станет ее любимой, другом и защитником от страшных кошмаров?

В магазине было не много людей. Но от помощи консультантов я отказалась. Пройдя разные отделы, я нашла тот самый, что был мне необходим. Десятки игрушечных глаз смотрели на меня в надежде обрести заботливые детские ручки и именно один из них (кстати, последний) выделялся из всех белоснежных зайчат.

Это была тридцатипятисантиметровая игрушка в футбол-

ке и шортах цвета кофе с молоком и ярким сердечком спереди. На котором было написано белым по красному: «Я уже люблю тебя». Почему-то именно эти слова пронзили меня до глубины души. Ведь именно так я постоянно думала об этой малышке, я уже ее очень любила.

Протянула руку, чтобы взять ее и сразу купить, мне больше не хотелось смотреть другие варианты, но вдруг чьи-то маленькие ладошки перехватили «моего» зайца с громким писком: «Папочка, ету!»

Потом крохотное розовое пятнышко посмотрело на меня своими карими пуговками и спросила:

– Можно я возьму ее? Моя мама будет так лада, когда я плинесу ей эту игушку.

Я изумленно посмотрела на нее, не в силах перестать улыбаться этому прекрасному созданию.

Она была вся в розовом. Ее платье, обувь, колготки и даже бантик на голове. Причем цвет был просто невероятно кислотным. Хотя смотрелась она безумно мило. Темноволосый ангел с таким же бархатным голосом.

– Ну раз мама придет в восторг от этого подарка, думаю, что я смогу тебе уступить этого малыша, – сказала ей, опускаясь на корточки. – У твоей мамы день рождения? – поинтересовалась я, расправляя игрушечную одежду и поправляя сердце.

– Нет, – послышался раскатистый баритон, откуда-то сверху. – Сегодня три года, как ее мама умерла. Лиля, вы-

бирает ей игрушку, чтобы оставить на могиле, – произнес мужчина.

Я вздрогнула от испуга и слов, которые только что услышала. Резко встала и посмотрела на него. Отец и дочь – они были слишком похожи, чтобы решить иначе. Молодой мужчина, на вид не старше тридцати. Мне вдруг стало очень стыдно за свой длинный язык.

– П-п-простите меня, пожалуйста, за мою бестактность. И я...я просто, простите меня. И мне очень жаль, что я так себя повела. О боже, еще раз извините. Соболезную вам, – говорила я очень быстро, стараясь не показывать волнение, хотя все было совсем наоборот. Я заикалась и никак не могла связать правильно даже пару слов.

– Спасибо. И перестаньте извиняться. Вы ни в чем не виноваты, – поспешил он меня успокоить и улыбнулся.

А малышка увидев, что я разнервничалась, взяла меня за пальцы. Я снова присела к ней, взяла за свободную руку и сказала:

– Знаешь, твоя мама будет безумно счастлива, когда ты принесешь ей эту игрушку. На ней написано, что ты ее очень любишь.

Я улыбнулась и хотела встать, как вдруг она меня обняла. Я не ожидала такой реакции, но не была против. В моих руках малышка была такой крошечной и такой милой. Мне так не хотелось ее отпускать от себя. Я прониклась к ней очень глубоким сочувствием, а на глаза стали наворачиваться сле-

зы.

Девочка еще немного постояла, потом отпрянула, но, не отпуская мои плечи, сказала:

– Ты мне нравишься. Ты очень красивая. И мне навряд ли понравятся волосы, – она провела по моим действительно длинным волнам рукой, которые я решила в этот день не собирать. – Папа любит длинные волосы.

Я посмотрела на ее отца и улыбнулась. Он наблюдал за нами, но не пытался вмешаться в нашу беседу. Не торопился. Боже, как неловко. Ему, видимо, еще больше. А какой он красивый, дух захватывает.

– Знаешь ты тоже очень красивая. И если ты постарайся, то вырастишь себе такие же, как у меня. В жизни не видела столько розовой одежды на одном человеке. Это твой любимый цвет? – спросила я.

– Да, – захихикала Лилия и добавила: – Я же девочка. Ева говорит, что это цвет для настоящих дивченочек. Будешь моей подружкой? Приходи на крестинки.

Я начала смеяться, и она сделала тоже самое. На вид ей было, наверное, три года не больше. Но меня поразило, какой умной она оказалась и то, как легко ей давалось общение. Наверное, ее отец по-прежнему один, ей не хватает женского внимания. Ведь так ужасно остаться без матери в таком раннем возрасте, когда даже не останется живых воспоминаний о родном человеке.

– Знаешь, она права и думаю, мы с тобой подружимся. Я

тоже обожаю розовый цвет, – щелкнула я ее по носику, от чего она захихикала.

– Улааа, – взвизгнула девочка и повернулась к своему отцу. – Папочка ты ведь не потив? И ты тозе смозешь с ней дужить. И Еве она понавится.

Он посмотрел на нас и искренне улыбнулся.

– Конечно, милая. Только как зовут твою новую подружку? – вопрос был уже адресован мне.

– Кира, – я встала и протянула ему свою руку. – Приятно познакомиться.

– Тимур, – пожал он в ответ мою и добавил: – Тимур Доронин. Рад знакомству. А это, – показал он в сторону розового чуда, – моя дочь Лиля.

Две вещи, которые произошли только что, меня реально поразили. Первая: его фамилия была такой же, как моя. Я аж чуть не засмеялась в ответ. Это же как такому совпадению можно было случиться? А вторая: он прикоснулся ко мне. Клянусь в тот момент, по моей руке словно ток прошелся, и я уверена, он почувствовал то же самое. То, как он посмотрел на меня своими черными глазами с их интересным разрезом.

Мы неловко высвободились из этого рукопожатия, но я чувствовала тепло его ладони, словно держала ее до сих пор, поэтому сжала кулак.

– Вы не поверите, – улыбаясь произнесла я, – у меня такая же фамилия. Кира Доронина, – тут мы уже вместе негромко рассмеялась.

Я тогда даже не заметила, как влюбилась. Как выделила в своей жизни место для Лили и ее отца.

Я даже ни разу не задумалась о правильности моих поступков. Я просто чувствовала и знала, что поступаю, как никогда, верно.

И спустя два года после встречи сказав ему: «Да» одним летним днем я была искренне счастлива, что такой мужчина, как Тимур стал моим. Я мечтала только об одном, чтобы наша семья была крепкой. А маленькая девочка, лишившаяся матери увидела в моем лице хорошую альтернативу, но не забывала о памяти.

В итоге все сбылось. Но не рановато ли рушится воздушному замку сроком в двенадцать лет?

Глава 3

Все наши поступки лишены последствий, только в собственной голове. Поэтому, когда они обрушиваются на нас, мы искренне удивляемся, даже не задумываясь о том, что это творение наших рук...

Задремав минут на сорок, с трудом открыла припухшие от слез глаза. На часах уже девять. А кошмар, который мог оказаться сном, все никак не рассеивался в сонной дымке. Он продолжался.

– Черт возьми, что же мне делать?

Застонав, перекатилась на спину.

Я же хотела полежать и подумать обо всем, о моих дальнейших действиях, а в итоге провела время в воспоминаниях о нашей жизни. Но так и не приняла решения, буду я сильной или же скажу ему о том, что знаю.

Я не фанатка интернет-форумов, но сейчас мне хотелось открыть ноутбук и вчитываться в каждый совет таких же однажды преданных кем-то женщин.

У нас ведь всего два пути? Не так ли?

Сколько времени мне понадобится на то, чтобы жить дальше, и смогу ли я ему доверять, если отважусь на то, чтобы все восстановить с мужем? От такой перспективы стало противно до тошноты. Видимо, все-таки этот вариант мне не

подойдет.

Как-то моя бабушка сказала: «Кира, если однажды ты встретишь того, кого полюбишь всем своим сердцем, держи его. Чтобы ни случилось, сначала реши, насколько он важен в твоей жизни, а уже потом принимай решение. И если ты поймешь, необходимость быть с этим мужчиной действуй и борись. Не будь трусливой. Это твой мужик, докажи это ему и остальным».

– Ох, бабуля, как бы я хотела тебе обо всем сейчас рассказать и понять, входит ли измена в эти самые трудности, которые можно преодолеть, показав, что любишь его. Ты бы уж точно помогла мне решить, потому что сейчас я не способна даже мыслить в правильном направлении.

Стоп. А что он сам собирается делать? Нужна ли я ему в этом будущем? Наши дети.

Блин!

Как бы там ни было, но тошнота оттого, что я не поела, никуда не уйдет.

Пришлось вылезать из своего кокона в виде пледа, в котором я так мило замаскировалась и плестись на кухню. Решила приготовить овощное рагу.

Двигалась на автомате. И пока овощи тушились задумалась о том, чтобы привести себя в порядок, потому что панды, в которую я превратилась, вызвала бы подозрения.

Мое бордовое платье на тонких бретелях чуть выше колен я любила надевать в тихие вечера, и оно очень нравилось

мужу.

Приняла пятиминутный душ, макияж наносить не стала. Думаю, проплакаться и остаться не замеченной проще без туши на глазах, а то, что я буду сегодня еще не раз в таком состоянии, я не сомневаюсь.

Как бы сдержат себя? Как остаться прежней, когда жизнь превратилась в сплошные руины. Есть ли у него объяснение всему, что я видела и собирается ли он признаваться в этом. Мне точно нужна помощь. Завтра же позвоню Кристине или найду психолога.

«Где его носит?», – спросила бы я, если б не знала ответ. Но я знаю...

Ужин почти готов. Но не успеваю выключить плиту, как в глаза бьет свет от фар, подъехавшей машины.

Приехал.

Я чувствую панику. На плечи весом в тонну пледом укладывается боль и вся ужасная картина нашей «семейной» жизни.

Решила быть на кухне. Тут я смогу сделать вид, что занята.

Пульс зашкаливает, когда дверь ведущая в гараж открывается и слышится шорох одежды.

– Кира, я дома.

Его голос – моя любимая мелодия. Но сегодня эта музыка фальшивила сразу на все ноты, да и полвечера лилась не для меня.

– Я на кухне. Ужин почти готов, – как можно более спокойно произнесла. Но не описать, каких трудов мне это стоило.

Он вошел и недолго простоял на пороге, а после подошел очень близко и обнял меня сзади.

Тысячи эмоций и каждая меня ранила правдой.

Его руки теперь были грязными, как и губы, прикасающиеся к моей шее. Мне казалось, что я в данную секунду делила эту ласку с той другой, стоящей со мной плечом к плечу. Видимо, так будет всегда. Пока я сама не решу иначе. И это решение будет самым важным в моей жизни, потому что мне придется вновь переродиться.

А сколько раз до этого он приходил домой после чужой постели и ложился в мою.

– Ты надела мое любимое платье? М-м-м... и пахнет так вкусно, – Тим поддел мизинцем лямку и спустил с моего плеча, а второй рукой обнял за талию, вызвав при этом не томление внизу живота, а неприятную ломку в моем сердце.

– Ты меня отвлекаешь, – постаралась убрать его руку, которой он гладил мое бедро. – Скоро я накрою на стол, а ты можешь пока принять душ, после работы. От тебя исходят разные запахи, – последнюю фразу я выделила, сделав небольшую паузу. – Кстати, как прошел ужин? Видимо, твой клиент так важен, раз он затянулся?

Тут, ступая на территорию самоуважения, я уже боялась потерять контроль. Сейчас я услышу ложь и пойму, насколько

ко она будет искусна. Ведь не знай я правды, не придала бы и значения его словам, лишь прониклась бы и выслушала как всегда. Сейчас же, все иначе. И я не знаю, сколько еще раз, мне придется делать вид, что все по-прежнему.

Глаза наполнились слезами, но я стояла спиной и знала, что он их не увидит.

– Пришлось задержаться, извини. Все прошло хорошо, – тут я уже застыла на месте в ожидании. – Так что мы договорились и будем сотрудничать. Этот клиент действительно важен для нашей компании. Я скоро вернусь, – поцеловал меня в висок и пошел наверх.

Стекло, вот что я услышала в тот момент. Это разбилось стекло-надежды. Моей надежды. Прозрачное такое. Это треснула моя любовь. Возможно, именно в этот самый момент, закончилась лучшая глава моей жизни. Моя семья рушилась, так же, как и я сама.

– Что же будет дальше? – прошептала я и рухнула на пол в слезах.

Уняв слезы, я умылась и привела себя в порядок в гостевой ванной. Зайдя в нашу спальню, хотела посмотреть, что он делает. Сама не знаю зачем. И почему-то было до ужаса страшно оставаться с ним наедине.

Тимур был в душе. Я слышала, как льется вода, а на тумбе лежал его телефон и оповещал о входящем звонке.

«Дожилась, теперь что буду проверять его телефон? Да и какой смысл шпионажа, все карты открыты.»

«Ну уж нет, ты не станешь этого делать».

«Хотя может просто посмотреть, кто звонит?»

Подойдя к изголовью кровати со стороны его тумбочки, я увидела, что звонил «Мир». Интересно кто это? Может быть, новый сотрудник? Всех его друзей я знаю.

Не думаю, что она станет звонить ему. А может быть, она не знает, что он женат? А может быть просто сказал, что я не беру его телефон вообще, только если принести и передать в руки не более. Ведь так и есть. Ни разу в жизни у меня не возникало даже мысли проверить его мобильный.

Мир – это, наверное, сокращенное Мирон. Мирослав?

Уверена, что это просто сотрудник. Как же раздражает вся эта ситуация. Ну почему я все это увидела? Почему узнала его на улице?

В общем-то, как я могла не узнать любимого мужа?

Пока я стояла в руках с телефоном, абонент позвонил три раза. Может быть, и правда по работе? Почему же мои руки дрожат? Почему так хочется защищаться? Я не должна этого делать.

Не должна...

Но палец завис над полосой с зеленой трубкой и прикоснувшись потянул в сторону, принимая вызов.

– Алло, малыш, ты уже дома? Я там уронила... – тишина. – Тимур? – громкий вздох, гудки.

Я медленно подошла к своему дамскому столику и присела на пуф. Рука продолжала сжимать телефон и держать

возле уха.

«— Не мучь меня Тим...», — твердила в трубку зловещая правда тем же голосом.

Взглянула на себя в зеркало и увидела страх в своих глазах. А внутри почему-то было пустынно. Я хотела грозы, хотела кричать. Я хотела, чтобы этот день подошел к концу. Потому что я чувствую огромную усталость. Потому что это все, что осталось у меня сейчас.

Положила телефон на край стола. И взяла в руки расческу. Распустила волосы и начала водить по ним ею. Снова и снова. Мои движения были механическими. Я не сводила глаз с той женщины, что смотрела на меня в зеркало карими глазами. Мне хотелось ее защитить, но думала лишь о том, как справиться с тем, что творилось в моей жизни.

Я даже не заметила, как вода в ванной перестала литься и Тимур появился за моей спиной. Он взял из моих ладоней расческу и продолжил с улыбкой ласкать мои волосы, другой рукой он гладил мое плечо.

Я смотрела на него в отражении и видела, что он был прежним. Моим Тимуром.

Красивые глаза, которые я всегда называла «грустными», потому что разрез имеет интересную особенность и от этого будто грусть в них скопилась. Но стоило улыбнуться, как маленькие лучики стремились от уголков его прекрасных карих очей и это меня каждый раз завораживало.

Чувственные, изогнутые губы. Не очень полные, точнее,

вообще неполные. Тонкие, но такие... такие нежные и мягкие... любимые...

Спортивное, вполне рельефное тело и накачанные руки, которые не раз сводили меня с ума и заставляли пылать в агонии наслаждения.

Все это он.

Его движения, его взгляд, голос – они говорили о том, что все хорошо. Вот только его разум предал меня, его мысли и сердце стали чужими. Он становился посторонним. Неумолимо быстро.

Думаете, я просто жалею себя? Нет, я просто впервые теряю свою жизнь. К такому не подготовишься. Сгребаю себя, а по факту лишь пепел, все, что осталось, а он вновь и вновь проходит сквозь пальцы, марая кожу серым, немного черным.

– Ты давно освободилась? – вдруг отвлекает от моих философских мыслей.

Я кивнула, не отводя глаз от его бесстыжих, которыми он сам меня сканировал.

– Почему не пришла ко мне? Я был бы не против, – сказал и поцеловал меня в шею, отодвинув волосы на противоположное плечо.

«Потому что тебе больше это не нужно! Потому что ты мне изменил на моих глазах! Потому что я против!»

– Тебе тут звонили очень настойчиво. Какой-то «Мир», – я почувствовала, как напряглось его тело. Руки, сжимающие

мою талию, нервно дернулись, но он быстро пришел в себя. – Я подняла трубку, мало ли это по работе и...

– Зачем ты подняла трубку? – Тим сел на корточки и развернул меня к себе. Глаза бегали по моему лицу, что-то ища. А голос? Он не был грубым, он был потеряннным. – Кира, что он сказал? – смотрел на меня и нервно ждал, что я отвечу.

Мерзавец!

Боже, я так хотела смеяться. Не знаю почему. Но я так хотела закатиться в истерике.

– Ничего, видимо, прервалось. Была тишина. Я даже сказать слова не успела, – он определенно расслабился, потому что взгляд из холодного стал вновь теплым.

– Детка, это и правда по работе. Наш новый сотрудник работает по последнему контракту, видимо, вопросы появились, – нагло врал мне в глаза мой муж.

Вот почему я не видела этой лжи раньше. Потому что лгал он красиво и слаженно.

Но это его «детка».

– Ну так перезвони, вдруг это действительно важно, – сказала и развернулась обратно.

– Нет, узнаю завтра. Больше не звонит, видимо, уже сам все решил. Сейчас я бы хотел побыть с тобой. Детей дома нет, поэтому можем не сдерживаться.

Он подхватил меня на руки и пошел в сторону кровати.

Раньше наш секс заставлял меня думать только о нем и его удовольствии. Сейчас поменялось лишь одно, я думала

о нем, и о том, какое удовольствие он получал от другой.

Наглый предатель. Подлый лжец. Разрушитель и слабак. Все это было в моих глазах, и он бы увидел в них презрение, если бы... я их открыла.

Тим поднимал мое платье медленно, исследуя мое тело своими губами. Оставляя прохладные дорожки, которые уже не горели как раньше. Они покрывали льдом мое тело. Мои мурашки он воспринимал как возбуждение.

– Милая моя...

Платье полетело в сторону.

Руки блуждали по моему телу.

«Зачем ты это сделал, если сейчас так радостно и в предвкушении ласкаешь меня?»

Невыносимо все это.

Думала проверить, смогу ли я вновь, отдаться его рукам, но уже чувствую отвращение такое, что готова снять старую кожу живьем.

Нет. Все это не для меня.

– Сегодня на ужин я купила вино в магазине по дороге домой. В нашем любимом винном. И заехала за ужином в «Мишель».

Остановилась. Замер. Напрягся. А я продолжила:

– Я же отвозила Лиллю к подруге, но передумала. Все-таки ты был в ресторане.

Он, не поднимая головы, перекатился в сторону от меня. Скорее всего, гадает: видела я его или нет.

Бессовестно рядом со мной вспоминает свою подлость. Лежит и боится, что я в курсе.

– В чем дело? – спросила даже с каким-то извращенным ехидством.

Тишина. Почему молчит?

– Тимур, – строго сказала я.

Снова тишина. Но я не стану лезть к нему словно это я нашкодивший котенок. Раньше я бы обязательно прильнула к его телу. Расспросила обо всем, но не сегодня и больше никогда.

Я не виновата ни в чем. Это не я прыгнула в койку к другому мужчине. В нашей постели я не хотела никого другого, никогда. Это он привел в нее другую.

Я встала с кровати и взяла оставленный с утра халат, что лежал в ногах. Мой любимый, теплый такой. Надела и вышла из комнаты.

Находиться в доме я не могла. Через заднюю дверь я попала на задний двор, одев длинное пальто и села в беседке. Освещение было отключено и меня радовало остаться наедине с тишиной в крепчающий мороз.

Если бы сейчас он подошел, я высказала ему о том, как он меня обидел. Но он не торопился.

Что это? Вина?

Я не прощу. Не сейчас. Может быть, никогда. Ведь он даже не думает признаваться. И я даже не уверена, что это была их первая встреча. Они вели себя рядом очень непринуж-

денно. Легко. Это настоящие отношения, а не мимолетный секс.

И после ее звонка я знаю, что она в курсе его семейного положения.

Глава 4

Не каждая закрытая дверь тупик. Просто, когда ты на нее наткнулась впервые, выдохни, выход найдется сам...

Сколько просидела на улице, не знаю. Но входить в дом не желала до последнего.

Тим так и не пришел, чтобы даже просто объяснить свое поведение, и я не про измену. По идее я ничего не знаю, но, кажется, дала понять, что как минимум со мной что-то не так. А он...

Как быстро забывается все хорошее. Просто черной кистью стоит провести, и ты уже не разглядишь там светлого. А он вылил банку краски и замарал абсолютно все.

Тихо открыла дверь и услышала оглушающую тишину.

Ни звука. Она будто зловещей становилась.

Сняла пальто и, убрав никому не нужный ужин в холодильник, ушла все на тот же диван. Даже в гостевую комнату не пойду, а если все же спустится, то... Поговорим, значит. Не избежать его в итоге верно?

Легла на свое прежнее место и погрузилась в сон, даже сама не заметив того.

– Мамуль, – слышу голос дочери и мягкое касание к плечу.

– Что такое солнышко? – не проснувшись до конца, спра-

шиваю ее.

– А ты чего тут?

Не сон это!

Открываю наконец глаза и смотрю на нее, сидящую рядом со мной.

– Который час? – смотрю на часы и с ужасом понимаю, что подвела мою девочку. – Боже, Лиля, прости дочка, я уснула.

– Да нормально, ма. Я тебе позвонила один раз, а когда ты не ответила, поняла, что спишь. Меня тетя Ира привезла.

– Как я могла уснуть, – тру лицо ладонями не в силах поверить, что забыла о том, как обещала дочери ее забрать.

– Ну ма, успокойся. К себе пустишь? – улыбается и кивает на плед.

– Прыгай, – поднимаю теплое одеяло отодвигаясь к спинке и накрываю нас обеих, обнимаю свою девочку, ощущая невероятное тепло.

Между нами всегда была какая-то связь, что не объяснишь, на каком она уровне шла. С самого первого момента нашей неожиданной встречи в том магазине игрушек.

Мы встретились с Тимуром и Лилей в выходные, как и обещала я ей перед прощанием. И в итоге уходили мы из парка за руку с осознанием, что это лишь начало.

– Думала у вас тут с папой романтик. Уснули оба, – хихикает, лежа ко мне спиной, а я тихо плачу, потому что ее сердце будет разбито той правдой, которая окружила нас всех и испачкала.

И Миша... Боже, Тим, что же ты натворил с нами. Как ты мог не подумать о них?

– Нет, милая. Папа устал... очень, – отвечаю, целую ее в затылок, и прижимаю сильнее.

– А что ты смотрела?

– Как всегда.

– А включи снова, посмотрим вместе. Люблю ту сцену в караоке.

– Хорошо, – вдыхаю глубоко, чтобы не разреветься сильнее, и нажимаю на пульте «старт».

Смотрю в экран, а в голове такая пустота. Вообще, не воспринимаю ничего. Только дочка греет израненное сердце и душу, что лежит на дне далеко, спрятавшись от этого мира.

Я бы до последнего отрицала слухи и не верила бы им, что мой муж способен на такую мерзость, но увидеть самой... тут нет места даже мыслям о том, что мне могло показаться.

Но почему? Зачем?

И откуда столько цинизма?

Как можно вернуться от другой и посметь прикасаться грязными чужими губами меня.

– Мам, ты что дрожишь? – доносится голос дочери.

«Это не дрожь милая, так убивают веру в счастье, верность и любовь. Так предают преданных до последней клеточки жен. Так предают тех, кто был готов на все ради него».

– Нет, такой момент в фильме, ты же знаешь, я к нему равнодушна.

– О да, Баттлер сыграл на пять баллов, как и Суонк.

– Согласна, Лиль.

Не знаю, почему я так люблю этот фильм*. Я смотрела его не считанное количество раз, но постоянно меня трогает эта любовь и желание жить дальше. Прямо как у меня сейчас, вот только я на первой стадии. И моя любовь не умерла. Он убил нашу любовь, а потом пришел и сказал, что задержался.

– Смешная ты, мам.

– Почему?

– Ну не знаю, столько раз смотрела и все равно плачешь, зная, что там будет впереди.

– Мы взрослые вообще странные бываем порой.

– Люблю тебя.

– А я тебя, солнышко.

«Утро вечера мудренее», – так звучит великая ложь.

Утро приносит ту же боль и мыслей нет совершенно. Ты все так же потеряна. Ты все так же не хочешь открывать глаза и смотреть на этот прогнивший мир. А время, как известно, не стоит на месте и мне таки придется взять себя в руки. Но я так запуталась и морально истощена, что просто не смогу продумать наперед свои шаги или вообще пребывать в стойкости с тем, чем придется столкнуться дальше.

Открываю глаза. Рядом дочка спит. Накрываю ее пледом, подтянув тот повыше и повернув голову в сторону боковой тумбы рядом с диваном, чтобы посмотреть на время замечаю большой букет роз. Розовых. С маленькими бутончиками.

Мои любимые.

На глазах выступают непрощенные и оскорбительные слезы.

Даже тут он смог оступиться. Я любила эти розы, а сейчас он принес их, чтобы попытаться скрыть и замаскировать свое предательство.

Ненавижу розовые розы!

– Доброе утро, – звучит со стороны, и я пугаюсь тому, как сердце замерло. Будто стрелой пронзило.

– Тише, не разбуди Лилию, – отвечаю грубовато, хоть и шепотом.

Выползаю из-под пледа аккуратно, чтобы не задеть ее, и хочу уйти, но Тим встает напротив меня.

– Я еще не умылась и не приняла душ, дай пройти, – звучит мой ответ на попытку прикоснуться к моим губам.

В глаза не получается смотреть. Даже голова не поднимается.

– Я просто извиниться хотел. Вчера был немного уставшим.

– Ты, – смотрю на него и ощущаю такую злость, несвойственную мне за эту ложь, которая на меня выливается словно ушат грязи. – Я ненадолго отъеду. Хотела к Кристине заскочить, перед тем как забрать Мишу, – обхожу его и поднимаюсь бегом по лестнице.

Не хочу быть рядом. Даже воздухом одним дышать.

– Я сам съезжу, а ты отдохни.

– Нет. У меня дела.

– В чем дело, – хватает за руку, останавливая прямо перед тем, как я хочу закрыть дверь в ванную.

– Я тоже устаю, Тимур. Иногда так сильно, что хочу побыть одной.

Вырываю кисть и, захлопнув дверь, закрываюсь.

Я так не делала, наверное... никогда. Мы даже шутили на тему, что замок в нашей ванной просто не нужен.

Жаль, такого на сердце нет.

Быстро принимаю душ, одеваю теплый спортивный костюм и выхожу.

– Мамуль, а ты куда? – встречает меня дочка.

– Я за Мишей и к Кристине заеду ненадолго. Завтрак разогреешь? Я пекла вчера еще запеканку творожную.

– Ой, а можно с тобой?

«Нет, солнышко, даже тебе со мной нельзя».

– Милая, я опаздываю.

– Ну ладно, я все равно хотела накраситься сначала, принарядиться. Папу попрошу.

– Встречаешься с Денисом?

– Ну не именно с ним. С подругами, но есть такой шанс, что и он там будет.

– Знаешь, я бы на твоём месте с ним поговорила и сказала напрямую все.

– Ну мам, я не такая отважная, как ты.

– Думаешь я такая?

– Не сомневаюсь.

– Буду позже, – целую ее и буквально сбегаю в гараж, а оттуда не мешкая устремляюсь из дома.

Выезжаю на центральную улицу, встаю на светофоре и звоню подруге.

– Привеет, дорогая. Я уж думала, что...

– Кристин, я могу к тебе приехать? – срываюсь на слезы в секунду.

– Кира... боже, немедленно ко мне. Что случилось? Ты что... Ты плачешь?

– Мне так надо с тобой поговорить, – еле выговариваю свои слова. – Так надо сказать...

Слышу, что она и сама всхлипывает.

– Только будь осторожна на дороге. Сегодня гололед... Может Степу за тобой отправить?

– Нет, я буду скоро уже. Что лапуле купить?

– Просто будь тут, не заезжай никуда.

– Хорошо, я... буду... скоро буду.

Все-таки заезжаю в магазин и покупаю мармелад для моей крестницы Алены и сырный пирог для всех. Наша традиция, которой уже много лет. Паркуюсь во дворе дома подруги и взяв покупки быстро выхожу. Меня так трясет, что я боюсь выронить пакеты. Но меня встречает Кристина сразу на пороге и обнимает.

– Как же ты меня напугала.

А я больше ни слова сказать не могу. Ощущение, что меня

ломает по миллиметру. И это даже не больно. Я не чувствую ничего, кроме пустоты. Меня выскребли начисто и там ничего не осталось.

– Давай заходи, поговорим на кухне.

Киваю и ступаю вперед, сняв одежду.

– Тетя Кира, – бросается на мою шею Алена. – Привет.

– Здравствуй, зайка. Я тебе твоего любимого мармелада купила. Сейчас мама отдаст. Как ты, солнышко? – улыбаюсь, поглаживая ее по голове, все так же в обнимку.

– Все хорошо. Готовлюсь к контрольной по математике.

– Я уже говорила, как горжусь тобой?

– Сегодня впервые.

– Ален, бери свои сладости и ступай, нам с тетей Кирой нужно поговорить немного.

– Ой, я поняла. Не уезжай сразу, тетя. Я тебе покажу платье, какое мама с папой купили.

– Конечно, – еще раз крепко стискиваю ее и смотрю вслед убегающей хрупкой фигурки.

Алена занимается балетом, поэтому похожа на маленькую тростинку. Но ей нравится, хотя жизнь посвящать только этому занятию она не хочет.

Благо в коридоре было темно, и она не заметила моего состояния. Не хочу пугать ее.

– А Степа где?

– Поехал к отцу в мастерскую. Что-то с машиной. Я не поняла. Садись.

Падаю на стул и смотрю в обеспокоенные глаза подруги.

– Кир, мне вопросы задавать может, или ты сама начнешь?

Только скажи.

– Пытаюсь собраться, но не получается. Хочу рассказать по порядку, но внутри так печет, что язык повернуть не могу. Эти слова такие мерзкие, такие отвратительные, что говорить их в отношении себя я... Я не могу Кристин. Как мне в это поверить сначала?

– Так, давай-ка я тебе успокоительного дам. Тебя трясет так, что посуда звенит на столе.

– Нет, кофе сделай, пожалуйста. Я еще даже не ела с утра.

– Я тоже, так что соберись с силами и все расскажешь. Так тоже знаешь, нельзя. Еще сердцем плохо станет.

– Ему уже ничего не поможет, этому дурацкому сердцу, – все, что отвечаю и сижу молча, пока подруга снова не садится напротив.

Отпиваю горячий напиток и все-таки проговариваю вслух горькую и мерзкую правду.

– Тим изменяет мне.

Будто гром, раскатом пронесли слова по пространству кухни.

А мы с ней застыли, потому что это последнее, что можно было услышать о моем «верном» мужем. Никто бы никогда не поверил в это.

Она молчала, держа в руках кружку, как и я.

– А ты...

– Сама видела, Кристин. Сама... – глаза снова заслезинились, потому что они помнили тот кошмар. – Тот же ресторан, тот же отель и даже номер... Он исковеркал наш мир так, что не восстановить. Он... он там с ней... А я стояла и смотрела... как они... они...

Поток речи был хаотичным и бессмысленным для кого-то, но только я знала, о чем говорю, все эти куски складывались в осколки моей любви. Это конец! Сейчас я это чувствую очень четко, как тогда видела все четко и без помарок.

Кристина встала со своего места и села рядом, чтобы обнять и плакать вместе со мной. Долго и болезненно проливать слезы об утерянном равновесии.

– Мне так жаль, Кира. Мне так жаль.

– И мне...

Вот только жалостью не поможешь этой беде. Впрочем, уже ничем. Остается только понять, как избежать максимальных потерь.

– И что думаешь делать?

– Я не знаю. Я просто не знаю.

– Может тебе с мамой поговорить?

– Ну нет. Она, итак, была изначально против нашего союза, хоть и смирилась потом, и полюбила Тимура по-своему. А тут прийти и сказать ей все это? Чтобы она потом причитала о том, что была права? Нет. Не хочу, чтобы он это слышал в свой адрес.

– Ты даже сейчас его защищаешь.

– А как мне иначе быть? Он же моя жизнь, Кристин. Он тот, с кем я поделила четырнадцать лет напополам. Да я просто привыкла думать о нем и детях больше, чем о себе, вот и все. У нас Лиля, Миша, я не могу допустить того, чтобы они в этом всем участвовали. Именно мне приходится сейчас сидеть и думать о том, как отгородить от этой грязи детей.

– Ну ты же понимаешь, что это коснется всех.

– Тогда надо преподнести им как-то... Боже, я не могу поверить, что это теперь моя жизнь.

– С Ирой не говорила и Андреем? Они все-таки близкие друзья, может знали или знают, что-то.

– Лилия вчера была у них, но Иру не видела. Лиза день рождения отмечала с подругами. Ты первая, с кем я это обсуждаю.

– Может тебе уехать на недельку в спа? Помнишь мы с тобой и Самойловой выбирались.

– У меня мероприятие намечается в компании. Нужно организовать все на высшем уровне. Из зарубежных филиалов приезжают руководители разных отделов и будут обсуждать новые препараты.

– Не вовремя. А командировок не предстоит? Да и вообще, возьми отпуск.

– Кристин, это не выход. Мне нужно решить, что делать и как можно скорее.

– А ты допускаешь мысль простить?

– Я на него даже смотреть не могу. Он пришел домой после нее и сказал: «Извини, я задержался. У нас новый клиент». В лицо понимаешь?

– Какой мерзавец. Никогда бы не подумала, что Тимур на такое способен. Черт, да вы идеалом для нас всех были.

– Ага. Видишь, как идеально он врет в лицо. А если бы не видела сама, еще бы и ублажать пошла после тяжелого дня рабочего. Как же мне тошно от мысли, что это так и было.

– Думаешь они не впервые?

– Слишком развязно себя вели на виду у всех, для первой случки, – замолкаю, уходя в мысли. – Я не прощу его, Крис. Не смогу простить и делать вид, что этого не было. Я буду помнить всегда.

– Понимаю, дорогая.

– Мне нужно будет заново начинать мыслить. Учиться этому. Это, как родиться вновь и учиться тем или иным вещам, но делать по-другому. Ты представляешь, сколько времени пройдет, пока я смогу дышать без омерзения? Людям доверять.

– У тебя есть Лиля и Миша, думаю, ради них ты быстро воспрянешь.

– Я не представляю, как им скажу обо всем. Не обо всем, конечно, не подробно. Но этого не избежать. И я уж точно не хочу их делить.

– Это неизбежно, Кир. Им нужно будет остаться жить с кем-то, а к кому-то другому приезжать на выходные.

– Какой ужас, – опускаю голову на стол, прижимая ее руками. – Зачем он так поступил с нами? Ну чего ему не хватало?

– Кто бы знал, чего им обычно не хватает?

Замолкаем каждая, думая о своем, пока я не смотрю на часы.

– Мне нужно ехать за Мишей, он у мамы оставался. Она его после школы забрала.

– Так что в итоге?

– Разрушенная жизнь, дезориентированная я и изменщик-муж. Попробую это все уложить на одну полку, а потом отсеять безболезненно.

– Звони мне почаще, ладно? И если что, может, вам нужно будет поговорить, привози своих ко мне, Аленка рада будет.

– Спасибо, – целую ее и иду к крестнице. – Ну что показывай, что у тебя за красота?

– Сейчас, – убегает в ванную, и выходит такая красавица в черном с пайетками платье.

– Тебе точно четырнадцать?

– Нравится?

– Это для выступления?

– Ага.

– Мне казалось, ты занимаешься балетом.

– Она в танцы ушла, – поясняет выбор наряда Кристина. – Это для вступительного танца.

– Ух ты, молодец.

– Спасибо, тетя Кира. Я тебя позову, когда объявят дату.

– Обязательно приду. А теперь обними крестную, и я поеду.

– Приезжайте все вместе на следующие выходные.

– Хорошо, солнышко. И удачи на контрольной.

Выходим с подругой на улицу и недолго стоим.

– Ты доедешь без происшествий?

– Куда я денусь, – усмехаюсь отнюдь невесело. – Сейчас выдохну и дальше жить буду. Он же не думал обо мне, когда ложился с другой в постель.

– А он знает, что ты знаешь?

– Подозревает что-то неладное. Утром проснулась, а перед носом паршивый веник лежит. Скотина.

– Цветы? Серьезно?

– Оригинальный, что сказать. И спрашивает меня в чем дело. Если бы не было дома Лили, я бы ему шею прогрызла. Так разозлилась на него.

– Представляю.

– Ладно, спасибо, что выслушала меня. Поеду за сыном.

– Ты можешь на меня рассчитывать в любой момент, хорошо?

– Спасибо.

К маме еду недолго. Но весь путь пытаюсь смонтировать наш разговор. С чего начинать, что требовать, какие задавать вопросы.

Здесь ясно одно – мы теперь не одно целое. Быть может,

Тимур влюблен в другую и это облегчит наше расставание тем, что сам он не мог решиться на развод. А может он тот, кого я не знала.

Но ведь этого не может быть. Я же помню, как все началось. Как год за годом мы становились ближе. Словно одна команда как семья. А в итоге? Я, выходит, ошибалась?

*По осколкам былых надежд,
Я пройду босиком устало.
Кто-то скажет, что сил не счесть,
Но, по правде, их очень мало.
Кто-то скажет, что я права,
А другие посмотрят косо.
Кто-то скажет, что все не зря.
А другие и камень бросят.
Не устала тебя любить,
Просто стало немного грустно.
Нам бы вместе мечтою жить,
Только стёрлось в душе... Там пусто...
Говори теперь все подряд.
Но измену не смыть словами.
И любовь, превращаясь в яд,
Давит правдой, разлучая врагами...*

(с) Лиля Каттен

***Речь идет о фильме «P.S. Я люблю тебя», 2007 года. Снятого по книге писательницы Сесилии Ахерн.**

Глава 5

– Здравствуй, мам. Как вы тут? – целую ее и подхожу к сыну, севшему кушать. – Привет, малыш.

– Привет, ма. Суп будешь?

– Спасибо и приятного аппетита, – сажусь к ним за стол и принимаю тарелку с ароматным бульоном.

– А чего так рано приехала? Суббота же. Могла и завтра забрать внука или вечером хотя бы.

– Мам, я у Кристины была, сразу за Мишей приехала. Не хотелось мотаться.

– А с лицом что?

– А что у меня с лицом?

– Зареванная.

Да, мама у меня прямолинейная. Что думает, что видит, то и говорит. Не права так извинится, но чаще всего она попадает в цель.

– Не смейся. Я проснулась и не накрасилась даже.

– Кир, я твоя мама, а не соседка или подружка.

– Да ма, – вмешивается сын, – мешки под глазами.

– Да что вы пристали? – улыбаюсь слегка нервно и наигранно. – Старею я.

– В тридцать пять женщина расцветает, а не стареет. Не хочешь не говори.

– «Приятного аппетита, Кира», – вы хотели сказать?

– Ешь уже, юмористка. Задержишься немного? Там счета пришли какие-то, письма, не могу разобраться в них.

– Конечно, – улыбаюсь ей и беру в руку ложку, опуская голову, пытаюсь скрыть чертовы мешки.

Пока помогала маме с оплатой ЖКХ, сын смотрел телевизор, и стоило мне встать с кресла, он побежал в сторону ванной.

Рванула за ним, найдя его над унитазом.

– Мишуль, что такое.

– Тошнит мам, выйди.

– Уверен? Может с тобой побыть?

– Не.

Стою под дверью и слышу, как его рвет.

– А что случилось?

– Не знаю. Тошнит его. Вы ничего не съели с испорченным сроком годности?

– Да нет. Сама знаешь, все свежеприготовленное. В школе может?

– Боже, только бы не серьезное что-то.

Сын выходит ко мне бледный и слегка горячий.

– Миш, может, съел что-то не то? В школе купил, в магазине?

– Не, только столовке ел и все. Ну и у бабушки.

– Посидим чуть-чуть, чтобы не тошнило?

– Вроде норм уже, поехали.

– Скажи, если станет мутить в дороге.

Прощаемся с мамой и по пути заезжаю в аптеку купив на всякий случай специальный гель-абсорбент и для восполнения жидкости препарат, если вдруг снова будет рвота.

Домой возвращаюсь к трем только, и на мгновение пропадает желание копаться в грязи с мужем.

– Привет, боец, как у бабушки погостил? – встречает нас Тимур, силясь подойти ко мне ближе, но я ловко выворачиваюсь и придерживаю Мишу.

– Привет, па. Нормально.

– Что случилось?

– Ему плохо было. Сейчас вроде лучше. Пойду уложу в кровать.

Он понятиливо кивает и за нами не идет.

– Зови, если что, ладно? – глажу моего мальчика по голове улыбаясь.

– А у тебя правда все хорошо? – спрашивает смотря на меня беспокойно.

– Иначе и быть не может, – целую его в висок и выхожу, закрыв плотно темные шторы.

Переодеваюсь в спальне, куда вошла нехотя и спускаюсь вниз.

– Кира, – окликает из гостиной Тимур и идет за мной. – Может, поговорим?

Раздражает этот его голос невинного. Словно это я что-то натворила, и он меня обвиняет в плохом настроении те-

перь, пытаюсь умаслить на улыбку.

– Лиля, когда говорила ее забрать? – не отвечаю на его вопрос и задаю свой, выпив воды из стакана, зачем, собственно, и спускалась.

– К пяти.

– Я сама за ней поеду. С сыном побудешь?

– Побуду, мы поговорить можем?

– А ты уверен, что готов говорить? Говорить не то чтобы я перестала задавать вопросы, а чтобы начистоту. Как есть.

– Я даже не понимаю, о чем ты?

– Значит, не готов, Тим. И не стоит делать вид, что повода мне не желать находиться рядом с тобой нет. Он слишком весом, – собираюсь выйти, но он берет меня за ладонь и останавливает.

– Детка...

– Только посмей назвать меня еще раз этой кличкой, обезличенной потасканной девки, – тычу пальцем ему в грудь и окончательно ухожу на этот раз.

Мерзавец. Наглый подонок. Поверить не могу, что все это тоже его часть. Что это он. Вызывает во мне то боль, то злость. Как я могла видеть его другим? Как могла не заметить всего этого?

Приезжаю в торговый центр, прохожусь по этажам. Покупаю несколько офисных рубашек и не торопя дочь, жду ее в небольшом кафе с чашкой кофе.

Заказываю нам обед, потому что сомневаюсь, что она ела

что-то нормальное с подругами, и встречаюсь с вошедшей дочерью глазами. Странными и мне кажущимися очень потерянными.

Она садится за стол и даже не улыбается, сразу же взяв в руки меню.

– Лиль, ты в порядке?

– Да. Настроение что-то такое грустное.

– И с чем это связано или может быть с кем?

– Дениса не было, – грустно признается.

– Значит, встретитесь потом.

– Угу.

Обедаем быстро и за время трапезы моя девочка так и не улыбнулась ни разу.

– Может шопинг? – предлагаю, расплатившись.

– Что-то не хочется мамуль.

– Ничего себе, ты и против покупок?

– Ну ма, не обижайся. Давай завтра?

Не успеваю ответить ей, что пошутила, мне звонит муж.

Если бы не болеющий сын, вряд ли подняла трубку, а так побоялась, что это может быть связано с ним.

– Алло?

– Кира я еду в больницу с Мишей, у него температура под сорок.

– Господи... Я сейчас буду там.

– Мам, что такое?

– Твоему брату плохо, приболел. Отец его в больницу по-

вез.

Приезжаем с дочкой по всем субботним пробкам не очень быстро. Поэтому меня встречает уже врач, вышедший из палаты сына.

– Добрый день, прошу немного успокоиться. Явные признаки отравления у вашего Михаила. Сильного, но не критичного. Пару дней пусть полежит у нас, выведем из организма токсины и прочее, что мешает нормально функционировать. А вы пока что можете вспомнить, чем питались последние сутки? Это очень поможет.

Начинаю перечислять домашние продукты, те, что у мамы, но стопорюсь на школьных.

– Не знаю, что в школе давали им в пятницу. Мы и поговорить толком не успели, ему плохо стало у бабушки.

Мужчина ненадолго задумывается, что-то читая.

– А какая школа у вашего сына? – врач смотрит в свои записи, ожидая моего ответа.

– Сто седьмая.

– Вот как. Теперь все ясно. У меня еще трое с отравлением лежат в отделении, но других возрастов из этой школы. Думаю, причина именно в столовой учебного заведения. Проведем проверку, и все выясним. Думаю, вам и остальным родителям стоит обратиться к руководству школы.

Оставшаяся часть субботы проходит в суматохе и переживаниях за сына. Засиделась на кухне допоздна. Испекла несколько пирогов и на завтрак запеканку. Муж скрывался

от меня и хоть этим не нервировал. Ужасно не желала разводиться еще и о нем мысли.

Спать легла в гостевой, куда принесла еще днем немного личных вещей. Заметил он это или нет, я не знаю, однако прийти ко мне, когда я пошла туда, он не решился, только спросил:

– Ты собираешься там ночевать?

– Да, – был мой ответ, прежде чем я скрылась за дверью.

В доме дочка и начинать разборки, когда она за стеной? Нет уж. Потерплю. Как раз смогу разработать по порядку свои действия. Мне впервые в жизни изменили, когда за плечами совместный быт, брак и дети.

С чего обычно начинают после измены? С разговора?

Воскресенье ушло на разборки с директором школы, которые взял на себя Тимур. Мы с Лилей отправились к Мише, которому становилось лучше, и вернулись к трем часам.

– Мам, а может я завтра к брату поеду, вместо школы? А потом вместе приедем домой на такси.

– Маленькая хитрая девчонка, – смеюсь на слова этой лисы, складывая одежду после стирки. – Кстати, спасибо, что постирала вещи. Я бы и забыла сама. Эти выходные выдались просто ужасными, – устало сажусь рядом с дочкой на диван, в гостиной и обнимаю ее одной рукой.

– И не говори. Завтра меня до школы довезешь?

Искренне удивляюсь ее просьбе.

– Я? Тебя же папа обычно отвозит, ему по пути, а со мной

придется чуть раньше выезжать, иначе я опоздаю, пока тебя буду завозить.

– Ну и что? Хочу завтра с тобой поехать, можно?

Стараюсь не показать, как меня взволновала ее просьба и спокойно, ласково отвечаю:

– Конечно, милая. Но выехать придется и правда рано. Мне опаздывать нельзя. Снова сложный день.

Она обнимает меня в благодарность и убегает к себе, забрав свои чистые вещи. А я хочу понять, с чем связан ее порыв. Конечно, она могла просто попросить меня об этом из любви, или потому что соскучилась, например, или же ей нужно поговорить. Но учитывая последние события в нашей семье, пока что известные только мне, я начинаю паниковать. Сильно паниковать по этому поводу.

К вечеру, стоило узнать окончательно, что с сыном все хорошо и моя нервная система перестала разводить панику за ребенка, все вернулось на свои места: мои мысли, моя печаль и боль.

Временный туман сошел, обнажив нас снова.

Опять я один на один с этой грязью. Должна думать, размышлять обо всем сразу. А он? Будет продолжать ходить как ни в чем не бывало и делать вид, что не понимает, о чем речь? А приперев его к стене, попытается сыграть в дурочка? Или в дурочку? Так, видимо, было всегда, пока я и правда была слепой и глупой.

Почему так несправедливо? Почему он не задумался о

нас, когда пошел на этот шаг? Почему не подошел и не сказал, что запутался и стоит на пороге большой ошибки? Нам всегда было достаточно друг друга. Зачем третий человек?

Я всегда жила по принципу: если в отношениях стало трудно и сложно, то возможно это обоюдное чувство. Но не становись тем из вас двоих, кто сломается первым. Стань той, кто захочет первой все исправить. Потому что уйти и сломать – самое легкое решение.

И что в итоге? Не было ни пауз, между нами, ни громких скандалов с битьем посуды, а может, именно этого ему не хватало? Устал от моей взвешенности и постоянства?

Что если все намного проще, чем я думаю?

Что если он просто влюбился? Это бьет сильно по моему нутру, ведь выходит, что он просто долюбил. И больше не осталось ничего. Ни любви, ни уважения, чтобы прийти и сказать: «Прощай!».

Проваливаюсь в свои мысли все глубже и засыпаю.

«– Так поразительно, – Тим гладит меня по обнаженной спине лежа лицом ко мне на боку.»

Рассматриваю его влюбленными глазами, захватывая каждую деталь его торса.

– Что именно? – наслаждаюсь прикосновениями его чуть прохладных пальцев, остужающих меня.

– Мы вместе четырнадцать лет, а я постоянно вижу тебя будто впервые.

– Ты большой, но очень милый лжец.

– *Все это правда, до последней буквы...*

– *А я не представляю без тебя, Лили и Миши свою жизнь.*

– *И не нужно. Мы всегда будем рядом...»*, – просыпаюсь

словно от удара в сердце. В самый его центр.

Из уголков глаз стекают тонкие струйки слез, как и внутри меня с одним отличием, душа истекает кровавыми слезами.

Это была наша последняя годовщина... последняя теперь во всех смыслах этого ужасного слова. Уже ничего не исправить.

Перекатываюсь набок и пугаюсь Тимура, сидящего рядом со мной. Но не издав и звука, задаю лишь один вопрос, потому что просто не смогу вытерпеть и дня больше, изведусь и потеряюсь окончательно в догадках:

– Кто та женщина, Тим?

Глава 6

Он сначала долго смотрел на меня. Видимо, думал с чего начать. А может быть, о том размышлял, как искусно меня вновь обмануть.

И господь свидетель, скажи он сейчас как есть, к чему нас бы это привело в итоге, не знаю, но он сделал глубокий вдох и произнес великий обман, в котором утопил остатки моего уважения к нему:

– Так и знал, что ты себя накрутила, увидев меня с представителем нашей новой компании, с которой мы оформили крупный страховой контракт на год, малыш.

Зрение размыло слезами. Слезами горькой боли и великого разочарования. С ними утекало все: любовь, надежда, вера, будущее, прошлое и настоящее... Я прощалась с правдой, с ложью, с нами...

Я отпускала все это глубоко сожалея, что мы пришли к этому спустя четырнадцать лет, как по мне, большой любви... с моей стороны уж точно.

Прощаться любя, это несоизмеримая мука, окруженная пустотой и холодом.

Я уже не слышала, что он говорил мне дальше. Я закрыла лицо ладонью и плакала. А когда из глаз вытекла очередная слеза, я вдохнула глубоко до колик в легких и посмотрела

на него.

*Укрой меня, прогнившая вуаль.
И скрой от мира раненую душу.
Закрой в себе глубокую печаль,
И забери мою большую ношу.*

*Я не могу. Нет сил, чтоб встать с колен.
Он отобрал последнюю надежду.
Ведь я, попав в его надежный плен,
Вся отдалась и сбросила одежду.*

*По сотканной искусно грязной лжи,
Бродила я в любви твоей обманной.
Сейчас, пожалуйста, не трогай. Не держи.
Твой замок не из камня. Он саманный.*

*Предательство никак не обелить.
Его моей любовью не прикроешь.
Мне нужно научиться дальше жить,
Ты верности моей, увь, не стоишь.*

(с) Лиля Каттен

– Не плачь, – протягивает свою руку к моему лицу, но я ударяю по ней и отползаю подальше.

– Не прикасайся, Тим. Не прикасайся ко мне больше ни-

когда. Если бы не...

– Мам, пап, что делаете? – входит в гостиную Лиля и садится к нам. – Мам, что случилось?

Стараюсь стереть влагу со щек и улыбаться хотя бы ей. И вот что получается, теперь и я превращаюсь в лгуницу, обманывая детей. Но ведь это ложь во благо, не так ли?

– Что-то разволновалась за твоего брата. И соскучилась по нему.

– Ну он же скоро дома будет. Чего ты? – обнимает меня, согревая душу, промерзшую насквозь.

Остаемся с ней на диване, а муж в итоге через время уходит куда-то. Смотрим с ней телевизор, потом разогреваем пирог, ужинаем и расходимся по комнатам. Что удивительно, Тимура я так и не увидела. Значит, либо в гараже возится с машиной, либо уехал.

Беру из комнаты пару костюмов на работу, не сумев быстро остановить свой выбор на одном, и ухожу из нашей супружеской комнаты, не желая там задерживаться и секундой больше.

Спать ложусь, но полночи меня мучают кошмары. Такие, что я боялась засыпать вновь. И как итог встала утром очень сонной и настроение было отвратительным.

Вышла из спальни так, чтобы не заметила дочка и спустилась вниз. Тимур пил кофе и что-то рассматривал в ноутбуке, а как только я вошла, сразу вскочил и начал изображать деятельность.

– Хватит. Я сама сварю себе кофе. Если ты думаешь, что вчера я была на эмоциях, то нет, это не так. Я ждала, когда ты сам придешь, но придя ты начал лгать.

– Кира, я сказал тебе правду. Она...

– Твоя правда искажена настолько, что там уже не разберешься. Ты и сам запутался так, что, видимо, не отличишь никак, где что лежит.

Ставлю чашку, засыпаю в машину кофе и жду, когда моя доза кофеина забьет рецепторы, а то челюсть сводит от оскомины.

– В чем конкретно ты меня обвиняешь? – не понимает муж.

– Вот же нахал.

Разворачиваюсь к нему и вот оно, все же написано.

– А почему у тебя лицо такое, словно ты виноват, если скрывать нечего?

– Потому что хожу вторые сутки и пытаюсь понять, чем конкретно тебе не угодил.

– Не угодил? Ты серьезно, Тим? Смотрю и думаю, как долго я покрыта этой чушью о любви?

– Чушью? – внезапно вскидывает руки и повышает тон. – Откуда сомнения?

– Оттуда же, откуда ты возвращаешься по вечерам уже три недели подряд.

– У меня работа.

– У меня тоже работа, представляешь? Но каждый вечер

я сижу и жду тебя дома за пустым столом, – в ответ говорю, стараясь держать себя в руках, не опускаясь до скандала, – раз за разом отправляя ужин в холодильник, обнаруживая его утром нетронутым. Неужели так вкусно кормит тебя эта «работа»?

– Что за бред ты несешь? Кира... – прикрикивает и тут же замолкает, смотря мне за спину.

Оборачиваюсь, увидев, как сквозь прозрачные стекла французских дверей столовой идет дочь.

– Мы поговорим потом. Я отвезу детей Кристине или маме на этой неделе. Не вмешивай сюда Лилию и Мишу. Этот разговор будет длинным, Тимур. Очень длинным, – бросаю на него разочарованный взгляд и отворачиваюсь.

Едем с Лилей полдороги в молчании. Мне стыдно перед дочерью, а еще я боюсь, что она слышала нас. Не хочу. Как же я не хочу, чтобы она догадывалась о чем-то, пока мы не решим, как поступим дальше. Если у меня нет определенности и какого-то плана, как я смогу дочери что-то конкретное объяснить?

– Как ты? Выспалась? – не выдерживаю, потому что обычно и она более веселая. – Последняя четверть, выпускные экзамены, вступительные и вот моя девочка станет совсем взрослой.

– Что-то я не чувствую радости.

– Ты ждала этого все одиннадцать лет школы, так что я как Станиславский кричу тебе: «Не верю!».

Она, наконец, улыбается и смотрит на меня немного грустно.

– Ну что с тобой, Лиль? – сжимаю ее ладонь, пока мы стоим на светофоре. – Ты хочешь о чем-то поговорить? Спросить?

– Есть кое-что, – тут же жметя и ерзает.

– Тогда я жду твои вопросы.

– Всего один – как ты поняла, что любишь папу? Чтобы прям сильно.

– Ого, – улыбаюсь ей.

И пусть воспоминания об этих днях меня сейчас сильно ранят, я все равно расскажу ей, каково это – осознавать, что любишь... Его!

– Когда я увидела вас в том магазине, произошло что-то странное между мной и тобой. Меня тянуло к тебе странным магнитом, но откуда-то изнутри и я так не хотела прощаться, но встретившись с тобой и Тимуром на выходных в парке, я снова это ощутила. Ты была такой маленькой, что легко поместилась в моем сердце первой. Я даже ему сказала уже погода, что полюбила сначала тебя, а уже потом его. Но если говорить о любви к твоему папе, то это было так быстро и стремительно. Что я даже не успела понять, почему думаю о нем постоянно. Засыпая, просыпаясь, я постоянно прокручивала в голове либо слова, либо прогулки, наши совместные посиделки. Он стал чем-то неотъемлемым в моей жизни, и я поняла, что так решило мое сердце. Вы поделили его

в итоге напололам, а потом кусочек отдали и Мише.

Остановилась на последних словах на парковке возле школы и повернулась к дочери.

Лиля резко подалась вперед и обняла меня, сказав слова, пронзившие мою душу не впервые:

– Спасибо тебе за все. Ты самая лучшая мама.

– А я благодарна Соне, что она родила тебя.

– Люблю тебя.

– Беги, солнышко. Я тебя тоже люблю. Деньги на еду есть? Смотри не покупай в столовой, сходи в кафе напротив, хорошо?

– Есть. Хорошо, мамуль.

Наблюдаю как она, встретившись на пороге школы с подругами, заходит внутрь и уезжаю, стараясь не думать о причинах ее вопросов.

В офис приезжаю вовремя, потому что повезло не попасть в пробку.

– Кира Анатольевна, в кабинет можно вас? – встречает меня руководитель в коридоре.

Шагаю к нему на «ковер» в боевом расположении духа.

– Доброе утро. Какие-то указания?

– Так, Кира, ты организовала нам на завтра отдельную переговорную для начала?

– Конечно, Олеся уже отчиталась. А на среду я забронировала отдельный конференц-зал на шестом этаже бизнес-центра.

– Отлично. Заселение уже идет? Все по плану?

– Да, я проверила. Многие прилетают сегодня вечером после шести. На данный момент только представители из Германии и Италии в отеле.

– Хорошо, тогда записывай список мероприятий помимо основного.

Пока он диктовал все места, что планируют посетить наши гости, у меня устала рука. Неожиданно неделя превратилась в полторы. А это значит продление отелей, ресторанов и прочих заказанных мною услуг. Черт!

– Пока что это все. Заявки кидай по почте, я передам через Регину.

– Хорошо, всего доброго.

Вернулась в свое «гнездышко», где меня уже ждали мои девочки.

– Ну что, начальник, мы снова в делах?

– Ага. Нагрузили.

Раздаю всем указания, а основные беру на себя. Созваниваюсь с водителем компании, вновь уточнить, что в аэропорту не будет проблем и всех иностранных гостей встретят как подобает и вовремя.

Работать в «Онкофарм» – филиале крупной европейской фармацевтической компании, я начала после свадьбы с Тимуром. Потому что после окончания университета была занята только им и Лилей. Дальше стало побольше времени, которое я научилась правильно распределять, и мне удалось

устроиться на должность менеджера в ивент-отдел. Уже потом, когда Миша подросток и я вышла из декрета, вплотную занялась делом, которое мне понравилось. Наш руководитель спустя шесть лет моей постоянной работы, перевелась в филиал в Казахстане, и я встала на ее место.

Я гордилась собой и продолжаю это делать. Работа, конечно, заставляет порой понервничать, побегать с организацией мероприятий от мала до велика, но я тут реально счастлива. Командировок почти нет. И что главное – оплата труда, соответствующая со всеми вытекающими и плюсами от компании типа страховки и прочего. Только два раза в год мы организовываем выездные конференции, все остальное время я на месте, пусть и порой мотаюсь по городу.

В обед предупредив девочек, что задержусь еду за сыном, которого выписали, и отвожу домой.

– Ладно Мишуль, кушать тебе много нельзя особенно того, что очень бесполезно твоему желудку. Я на тебя рассчитываю. Лиля придет примерно через час. Я ее предупредила уже, что ты дома.

– Ма, я уже не маленький.

– Для меня ты останешься малышом, даже когда начнешь бриться. Но малышом с бородой.

Целую его и еду обратно на работу. Прежде чем вернуться в офис, захожу в популярную своей выпечкой кондитерскую, купить хотя бы булочку, потому что не поела ничего в дороге и встречаю коллегу Тимура.

– Привет, Кира.

– О Влад, какая встреча. Тоже за сдобной вкусняшкой?

– Да, был недалеко, решил вот заскочить. Как твое здоровье? – задает неожиданный вопрос.

– Вроде бы хорошее, не жалуясь. Или у меня болезненный вид? – так неловко, видимо, синяки под глазами.

– О нет, ты прекрасно выглядишь. Жаль, тебя в пятницу не было на вечере. Тимур сказал, что у тебя самочувствие плохое.

– Ах, в пятницу, – ощущение что жую стекловату, которую мне затолкали в рот. – Да, у меня... Мне было нехорошо.

– Ну, зато можешь гордиться своим мужем, мы заключили наконец-то контракт и все благодаря ему.

– Мне показалось, вы легко смогли это сделать. Пара ужинов, не более, – стараюсь задать максимум вопросов, чтобы получить ответы, которые, кажется, знаю наперед.

– Чего? Месяц обхаживали их. И наконец-то свершилось.

Ну что ж, видимо, тут он не соврал и та «детка» и правда клиент.

– Месяц, значит. Ну что ж, Тим он такой. Добивается своей цели.

– Ага, вцепился и победил. Мирослава, та еще стерва, но против Доронина не попрешь, – вот и ответ.

Мирослава. Мир.

Подонки. Какой же ты подонки Тимур.

– Кто бы сомневался, – улыбаюсь ему, купив чертову бу-

лочку, к которой теперь не притронусь и попрощавшись пошла в офис.

Мне нужна холодная голова. Нужно абстрагироваться, а я не могу. Я все думаю и думаю о нем и той девице.

Мне кажется, паутина лжи соткана им такая, что я даже сейчас спрошу и он с три короба мне соврет, что я почувствую себя дрянью, которая посмела в нем засомневаться.

Пытаюсь начать с себя, провести анализ своих действий и поступков. Найти причины, которых, быть может, не увидела, но сосредоточиться не могу.

Нам нужно поговорить. Это пора прекращать.

Открываю календарь, просматриваю расписание этой недели, и более-менее свободный день выходит четверг, или же пятница.

– Блин.

Хватаюсь за голову, попадая в воронку какую-то. Все идет кругом, а сердце стучит, как будто марафон начался.

Дышу... дышу, но кажется, что все становится еще хуже. Это все нервы. Проклятые нервы и муж и все, что с этим связано. Не замечаю, как уже плачу. Только капли падают на стол прозрачными кляксами...

Первая... вторая... третья... и не останавливаются.

Такой изломленной не чувствовала себя ни разу в жизни. Бывало, что испытывала слишком большое счастье, слишком большое возбуждение, но слишком больное падение со мной впервые.

Хотя, когда несколько лет назад умер папа, я думала, что эта боль самая большая на тот момент. Я не сравниваю. Это разная потеря. Но внутри поломано в сто раз хуже.

Четверг или пятница?! А сегодня только понедельник.

Четверг или пятница. Какой день выбрать, чтобы поставить точку?

Вхожу в мессенджер и открываю контакт «Милый».

Быстро стираю прежнее имя и не знаю, как его записать.

«Муж».

Удаляю и пишу просто «Тимур».

Для меня он теперь просто мужчина с этим именем.

«В четверг я отвезу детей к маме. Будь добр быть дома к девяти часам».

Не хочу ждать пятницы.

Отправлено.

Кладу телефон на столешницу и сканирую две синие галочки.

Прочитано и вышел из сети.

Это к лучшему. Не хочу ни разговаривать, ни переписываться.

Однако через пять минут мне приходит ответ от него:

«Я забронировал, на завтра столик, в ресторане французской кухни».

Поверить не могу, что это он прислал мне. За дурочку меня держит? Решил сменить ресторан? Решил, что я соглашусь, потому что там не поговоришь на все темы из мое-

го списка? Даже руки начинают трястись, пока я набираюсь сил, чтобы ответить.

«Значит, как приедешь из ресторана, поговорим с тобой. Я подожду не торопись! И не завтра, я занята буду, а в четверг».

Отодвигаю телефон, чтобы не разбить его, если он вновь напишет.

– Какой же наглец.

«И чем ты будешь занята?» – вот так вопрос.

«А вот это тебя больше не касается, Доронин».

Молчание. Звонок.

– Ну нет, – отодвигаю телефон, поставив вибро.

Рабочий день заканчиваю поздно и далеко от дома. Пришлось помогать с расселением гостей для подстраховки. Все же люди приехали не абы кто, а главы филиалов своих стран.

Петляю по улицам уставшего вечернего города, в машине тепло, а согреться не получается. Боль, как и простуда, усиливается к вечеру, зараза.

Начинаю подпевать какой-то певице по радио, постукивая пальцами по рулю, но когда песня сменяется, я замираю и тихо плачу на каждое слово, будь то куплет или припев... все попадает прямо в сердце...

– «Ты она и я все ясно*»...

Останавливаюсь перед домом, не заезжая в гараж. Машина Тимура на месте, из занавешенных окон льет свет, проникая в щели, а я сижу и не хочу туда идти. Соскучилась по

детям, устала на работе, мечтаю принять ванну, но идти в дом не хочу.

Эта серая гниль пробралась и туда, теперь я это чувствую. Тут свежий воздух, тут пока что могу дышать, а там задыхаюсь.

Телефон вибрирует, и я его машинально поднимаю.

– Алло?

– Привет, Кирюш, – звучит голос Кристины, и я снова срываюсь услышать родную душу. – Ну тише, тише, дорогая. Успокойся. Я слышу тебя. Можешь ни слова не говорить, слышу.

– Не хочу туда... Не хочу туда идти. Когда я на работе, далеко, я вижу все как есть. Всю правду. А лицом к лицу я снова не верю, что он это и правда сделал, понимаешь? Мне нужен мой муж, Кристин. Мой верный Тимур.

– Понимаю.

– Я... знаешь, думала и не смогла понять одного, за что он так со мной? Я же... я же так старалась ради нас... Ты же видела все сама. Мне было двадцать один с небольшим, когда меня впервые вдруг мамой назвали. Мамой, Кристин. Я о детях знала только то, что они появляются от секса через девять месяцев. А о самом сексе знала лишь теорию. Да он стал первым в моей жизни во всем. Но я ни разу не задумалась, принимая его прошлое, умершую жену и память о ней... Я же... я же...

Она молчала. Она позвонила, чтобы я высказалась. Пото-

му что знала, что мне это нужно. И я говорила. Не подбирая слов и не строя сложных предложений. Я просто говорила.

– В кого я превратилась? Чувствую себя носком поношенным. В соплях, слезах... Кто эта женщина? Разве ты видишь ту девушку, с которой была знакома столько лет? Или ту женщину месяц назад? А я даже ненавидеть его отказываюсь, только отвращение и неприкрытая боль внутри меня. Боль, которую он не видит. Я смотрела на него, истекая ею, а он сказал, что я себя накрутила. Я просто разрушаюсь. Я молчу и не говорю ни слова почти. Не хочу, чтобы дети слышали или узнали рано. Только терпеть это жжение внутри все сложнее. У меня не получается.

– Кира, выйди из машины, вытри слезы и поговори с ним. Не смей держать все в себе. Хватит. Пойми одно – это не ты его потеряла. Это он потерял тебя. Он предал свою Киру, преданную и ласковую жену. Это он должен сидеть в машине и от стыда и муки не знать, как войти в собственный дом. Не ты. Поэтому носовой платок в глаза и ноздри. Протерла там все сухо и пошла, вставила ему по полной. Привык, что ты вся такая милашка с юга.

Улыбаюсь ее словам и, мне кажется, нравится ее план, даже очень.

– Только не сегодня. У меня эти дни просто ужасно загружены, я ж говорила. Это не просто собрание организовать, там целая куча всего, что нужно учесть и ни в коем случае не забыть. Но в четверг вроде бы попроще будет. Так что я

к тебе думала с просьбой...

– Привози. Я Аленке, итак, обещала, что твои приедут. Так что не парься даже и в школу отвезу на следующий день и заберу.

– Думаю, забирать не нужно будет. Хотя посмотрим. Как все пройдет, вообще не знаю. Честно даже слов нет. С чего начну, без понятия.

– Может сказать для начала, что он козел, а дальше язык сам развяжется в правильную сторону.

Тихо посмеиваюсь, вспоминая, что даже ни разу не обозвала его каким-то отвратительным словом. Мы вообще на матах или оскорблениях не говорим и не ругаемся фактически.

– Ты вновь зависла, Кир.

– Да просто, куда ни глянь, в какой уголок памяти ни посмотри, везде он.

– Дорогая моя, я знаю, что ты вложила себя в ваш брак. Что ты старалась, но иногда такое происходит. И будь прокляты те мужчины, которые это все совершают банально, ради похоти, но он тебя очень любил, я это знаю и видела в нем эти чувства, – на этих словах я снова расплакалась.

– Тогда почему же он сделал мне так больно, Кристин? Зачем так больно и гадко?

– Я не знаю, милая. Я не знаю.

Так жаль, что моя любовь останется просто историей в моей памяти. Ей нет продолжения, потому что я уже все реши-

ла. Иного пути он нам обоим просто не оставил.

– Хватит, Кира. Пора начинать учиться отпускать его. А для этого нужно уметь быть лицом к лицу с болью.

Медленным шагом иду от гаража не через дверь внутреннюю, а по улице. Сегодня мороз и пар изо рта рисует красивые клубы выдыхаемого кислорода.

Я не люблю зиму, даже при всем ее великолепии. Я люблю солнце, но боюсь сгореть. Кожа такая. Странная я в общем.

Улыбаюсь и вхожу.

Та же обстановка. Цвет стен, запах, только внутренности начинает выкручивать... потому что здесь мороз похлеще, чем на улице.

Сначала меня окружает тишина, и я молюсь, чтобы дети были тут и закружили в своих проблемах, только бы не слышать мыслей. Молюсь, снимая пальто и как по моему хотению кричит бегущий Миша:

– Я ж сказал, что слышал шум двери. Мама приехала, ты проспорила мне сто рублей.

И снова внутри все поднимается до небес. Именно поэтому я смогу все выдержать. Именно потому, что у меня есть они. Мои дети.

– Я запрещаю спорить на деньги, ты помнишь, Михаил?

– Ну мам, всего сотня. Это не дом же.

– С этого все и начинается. Я не хочу тебя вытаскивать из кабаков через десять лет, с заложенным домом и распиской. Ты слишком азартный.

– А я и не спорила с ним, – слышу голос дочки.

– Ты подначивала его, Лиля, мать не обманешь.

– Да-да. Так и было, ма, я ни при чем.

Миша помогает повесить в шкаф одежду и забрав сумку, обнимает меня, проводя вглубь.

– Как ты сынок?

– Носится полвечера, твой сынок, – показывает язык и убирает его руки от меня, чтобы обнять.

– Какие же вы еще дети.

Тимур выглядел безумно хмурым. И мне бы порадоваться этому, вот только повод его хмурости не так радушен.

Он любил свою семью. Детей. Он хороший отец. Только меня любил, видимо, недостаточно.

– Кира, – остановил на выходе из ванной. – Почему ты отказываешься идти со мной на ужин?

– Ужин с тобой – это последнее, о чем я думаю. Я устала и хочу провести время с детьми перед сном.

– Пошли мам, я нашел ту книгу, – кричит Миша с лестницы.

– Пропусти, пожалуйста, – не прикасаюсь к нему даже руками, жду, когда освободит дорогу и уйду, ощущая ноющую боль.

Быть равнодушной так тяжело, ведь сердце все еще любит и не принимает факты того, что этот стучащий ради кого-то комочек уже никто не ценит.

***Имеется в виду песня Маргариты Позоян – «Ты она и я».**

Глава 7

Вторник я была загружена по полной. Убежала из дома и приползла назад кое-как почти к девяти. В этом были свои плюсы: у меня не оставалось времени на Тимура.

Он пытался заговорить со мной и в одно, и в другое утро уже среды, когда мы пересекались, но были рядом дети, и я, конечно, отвечала.

Каждый вечер я перетаскивала все больше вещей в комнату для гостей, понимая, что занимаюсь ерундой и утром пока спали все, выходя готовить завтрак быстро выбегала в прежнюю комнату и уже спокойно дефилировала вниз.

Да, это кажется смешным и глупым, но завтра уже четверг. Значит, все закончится...

– По Алене соскучились? – спрашиваю за завтраком детей, когда Тимур поднялся наверх.

– Ага. И по тете Кристине тоже.

– Тогда может, к ним поедете завтра после уроков?

– Типа с ночевкой? – поднимает кулаки вверх сын и, дождавшись кивка, вскакивает и изображает рок на гитаре, тряся головой.

Пока смеялась, смотря на него, обратила внимание, что Лиля не так весела.

– В чем дело, солнышко? Не хочешь ехать? Только скажи,

и я все отменю.

– Нет, мам. Что ты? Я рада, – искажает лицо в подобии улыбки.

Мне не нравится это. Очень не нравится.

Что-то с ней не так. Что если она видела их, ведь, судя по всему, Тимур не так сильно шифровался.

– Поговорим? – смотрю как можно ласковей в ее грустные глаза.

– Давай на выходных, погуляем в парке. Обещали тепло.

– А на коньках поедem кататься? – вмешивается сын.

– Мишуль, думаю, мы сначала с Лилей прогуляемcя, а потом поедem на каток, хорошо?

– Опять ныть будет про своего любимого, – кривляется поддразнивая.

– Ну-ка, так нельзя, – угрожаю пальцем и встаю из-за стола. – Я пойду поправлю макияж и спущусь. Вы пока что можете почитать.

– Ну мам, давай телик.

– Я не знаю, что такое «телик», Миш. Поэтому бери книгу и учись говорить на русском языке.

Перерываю свою косметичку в сотый раз и не нахожу все-таки своей помады.

– У кого же она еще может быть? – выглядываю с верхнего этажа и предупреждаю дочку, что забираю свою вещь.

Ищу то, зачем пришла, но нахожу другую.

Смотрю на небольшой тюбик, известного бренда косме-

тики и довольно дорогого, пытаюсь припомнить, покупала ли я его своей дочери, или нет. Хотя прекрасно знаю ответ.

Снимаю крышечку, и один раз прокрутив рассматриваю цвет.

– Лиль, ты красишь губы красной помадой? – зову дочь, которую слышу за дверью.

Она медленно выходит в комнату и смотрит так, что я понимаю: любое ее слово сейчас будет ложью.

– Это не моя, мам. Это кого-то из подруг.

Не хочу на нее давить. Но она прекрасно знает, что будь эта помада ее, Лиля бы так и сказала, а я попросила не наносить ее на учебу, и только. А значит, ей есть что скрывать.

– Дочь, ты же знаешь, что я не стану тебя ругать. Максимум – это разговор.

Она, опустив голову, молчит и мне все, кажется, в ужасных картинках.

– Милая, ты взяла ее без спроса? – ну а что я еще должна была подумать?

– Что? – тут же вскидывает голову прикрикнув. – Нет мам, ты что? Я бы никогда этого не сделала.

– Тогда, ладно. Я думала, ты молчишь и скрываешь нечто нехорошее. Если она и правда твоих подруг, то я тебя больше не отвлекаю.

Улыбаясь кладу обратно в сумку причину недоверия моей дочери своей матери.

Она все также стоит с опущенной головой.

– Все в порядке? – ставлю тюбик уже своей помады на комод и подхожу к моей девочке. – Посмотри-ка на меня.

Трогаю пальцами подбородок и пытаюсь поднять ее голову, чтобы взглянуть на лицо, но Лиля вдруг рывком притягивает меня и обнимает всхлипывая.

– Боже, солнышко. Что случилось? – но она просто молча плачет. – Только не молчи дочка, умоляю. В чем дело? – сжимаю ее крепко надеясь, что она таки поделится своим секретом.

Я, наверное, впервые вижу ее такой. Потерянной и еще слезы эти.

– Прости, мам. Я соврала тебе. Прости.

– Ну что ты. Все в порядке. Эй, эй, тише. Я не злюсь, слышишь? Не злюсь.

– Я нашла ее, – чуть заикаясь отвечает.

– Пойдем-ка, водички попьешь. И как раз спокойно, потом все расскажешь.

Веду ее к столу, на котором всегда стоит графин с водой, чтобы не спускаться вниз.

Усаживаю в кресло и смотрю, как Лиля отпивает немного, стерев влагу с лица.

Сажусь напротив на мягкий пуф и улыбаясь смотрю на мою красавицу. Мое самое драгоценное сокровище. Глажу ее по руке успокаивая.

Она выпрямляется и водит по ободку фужера пальцем.

– Помнишь вечер, когда я у Лизы на вечеринке была?

– Да, конечно.

Забывать тот вечер, наверное, никогда не получится.

– На следующий день папа повез меня в торговый центр, помнишь? И я... – меня начинает изнутри колотить оттого, что я сейчас услышу. – Я уронила телефон в машине, а когда наклонилась его достать, нашла эту помаду. Которая была и... на папиной рубашке белой. Я случайно заметила пятна, когда относила свои вещи в стирку.

Меня пробрало крупной дрожью, потому что меньше всего на свете я хотела, чтобы дети были в курсе наших разборок. Но так вышло, что им не по пять лет.

– Я запаниковала и в машине тогда и потом. Помню твое отношение к такому цвету. Не знала, что делать и как сказать, кому, – сбивчиво объясняет свои поступки. – Поэтому закинула в стирку все светлое, а помаду... забыла выкинуть.

Смотрю на нее, испытывая муки совести. Мой ребенок один на один с мыслями об ошибках взрослых. Боже.

– Папа тебе изменяет, да? – на меня посмотрели самые добрые и не запятнанные грязью этой жизни глаза, переполненные слезами печали и обиды.

– Лилечка, солнышко, – хочу обнять, но она машет головой, и я останавливаюсь.

– Нет мам, ответь, прошу.

– Послушай. Ты и твой брат должны понять, что между мной и папой, может быть, сотни причин для любви, ненависти и прочих разногласий, но вы, вы всегда будете вне их.

И ты должна это помнить всегда, как бы ни сгущались тучи над нашей семьей.

– Мам, я знаю, что вы нас любите, но мне не пять лет. Даже Мишка почти все понял. Он сказал мне сразу.

– Что сказал? Когда?

– Сегодня утром. Поделился мыслями, что вы с папой разводитесь, раз ты такая ходишь странная с красными глазами. И он видел, что ты не ночуешь больше в комнате вашей, а возвращаешься в нее утром из гостевой.

– Боже, – закрываю глаза руками и проклиная Доронина, да и себя тоже, что так рано открыла эту правду неосознанно.

– Что теперь будет... с нами? – слышу ее вопрос и открыв глаза, вижу заплаканную и потерянную дочку с трясущимися губами.

Обнимаю ее. Целую и не знаю, что сказать.

Я не знаю, как сказать моей девочке что это конец. Как вселить в нее веру в то, что так бывает не всегда. Но порой происходит со взрослыми, чтобы она не разочаровалась ни в семье, ни в отце.

Я не знаю...

– Все будет хорошо, доченька, все будет... – дверь в комнату открывается и входит Тимур.

Мы обе поворачиваем головы и смотрим на него...

– Лиль, еде... – не заканчивает свой вопрос, остановив себя на полуслове.

Я не знаю, что он увидел в наших лицах и глазах. Я не

знаю, что он понял или не понял. Но его лицо посерело, а губы стали бледными.

Он смотрел, не проходя вперед, и видел результат его поступков. Результат того, что бывает, когда вдруг решаешь разрушить все, что так долго строил и по итогу разочаровываешь всех, кто тебя любил.

– Отвези Мишу в школу, Лилию я сама, – надломленным голосом произношу ему свои слова, и мы обе разворачиваемся к Тимуру спинами.

Пара секунд и двери закрываются, но ощущение такое, словно линия была только что подведена, между нами.

Глава 8

– Давай пересядем? – держась за руки, опускаемся на ее кровать и я, подбирая слова, начинаю:

– Лиля, ты права, ты не ребенок и все равно на этой неделе все узнала бы, как и твой брат, – она силится не плакать, но слезы все равно стекают по щекам моей девочки. – Мы с твоим отцом разведемся. Пока что не было разговора, он даже не в курсе, что я знаю о другой женщине, но в четверг я хотела с ним все обсудить.

– Мам...

– Тише, солнышко, тише, – стираю с ее щек слезы, не замечая своих. – Да наша жизнь изменится и нам нужно будет решить многие бытовые моменты, но я и папа будем в вашей жизни, как и прежде. Это только наши с Тимуром отношения. Любовь к вам не изменится.

– Я знаю, но... это же не одно и то же.

– Милая, мы взрослые люди и такое происходит порой.

– А как же я?

– А что ты?

– Ну я же тебе неродная...

– Так, стоп, Лилия, – ее слова меня почти уничтожили вдобавок ко всему происходящему. – Ты моя дочь. Законная дочь по всем правилам конституции и прочих там законов.

А твой отец – порядочный и хороший человек, он не станет требовать от тебя или твоего брата выбора. Об этом не думай и не говори, что ты не родная, – улыбаюсь ей, тяжело вздымающейся. – Ты моя самая родная дочка. Да, Соня не забыта, но ты моя.

– Поверить не могу, что папа так поступил с тобой. Почему он так сделал?

Ее слова опаляют сердце.

– Думаю, твой папа просто полюбил другую женщину.

– А я думала, что если любишь, то это навсегда.

«Я тоже так думала, Лилечка», – отвечаю мысленно на ее слова.

– Быть может, он понял, что она дама его сердца, а не я. Думаю, что папа сам ответит на твои вопросы. А пока, нам стоит немного сплотиться, но верить, что все в итоге образуется.

Она встает с кровати, поправляет волосы стоя перед зеркалом и задумчиво произносит:

– Что бы ни было, ты моя мама. А по-прежнему уже никогда не будет.

Не знаю, как мне удалось все минимизировать. Быть может, находка в машине Тима позволила ей все обдумать заранее и в какой-то степени смириться с будущим что коснется нас всех. Надеюсь, что она не оставила внутри себя массу разочарования. Но вот с Мишей как поговорить?

Отвожу Лилю в школу. Разговариваю с учителем, что

опоздание вышло по моей вине и попрощавшись уезжаю на работу.

В дороге мне звонит Тимур и я от злости только и поднимаю трубку.

– Слушаю.

– Что произошло?

– С кем? С тобой? Мной? Дочерью? С кем Тимур произошло?

– Ты знаешь, о чем я говорю.

Его голос не такой бойкий и радостный. Он будто притаился.

– О нет, дорогой. Я ни черта не знаю. Не знаю и не понимаю. Может, ты скажешь? – поднимаю голос даже не сразу заметив этого.

– Кира, почему моя дочь не ездит со мной в школу третий день подряд? И почему она плакала?

– Будь я рядом, ударила бы тебя по щеке, клянусь. Ты настолько зациклен на своей «работе», что дома слепнешь. Ты правда не видишь, что происходит?

– Я вижу, что моя жена отдалилась, зовет на серьезный разговор, дети поступают так же. Что это значит?

– Святой Тимур, все против тебя. Чем же ты не угодил своей семье?

– Вижу разговор у нас не ладится по телефону. Где ты?

– Еду на работу. И не вздумай туда явиться. У меня куча дел.

– Которые мешают нам поужинать сегодня?

– Которые я буду решать до самой ночи. А ходить с тобой по ресторанам уже есть кому. На четверг оставь для меня времечко.

– Ты опять за свое?

– За твое скорее. Все ждешь, когда я тебе облегчу жизнь своими претензиями? Надеешься улизнуть, сочинив какую-то ерунду, в которую Кира так легко поверит, да «детка»? – коверкаю его слова последние нарочно.

Молчит. Так «громко» молчит, что прям в ухо звон его офигевшего мозга слышен.

– Что, больше не желаешь задавать вопросы? Знаешь, ты прав, мы поговорим сегодня.

Сбрасываю вызов, уже находясь на парковке возле офиса. Прошу Кристину забрать детей со школы и усердно работаю весь день, а вечером все на том же адреналине подъезжаю к дому, где на подъездной дорожке стоит и его автомобиль, с хозяином внутри.

Смотрим, друг на друга повернув головы. И оба, видимо, знаем, что сейчас будет начало нашего конца.

Вылезаю, растеряв боевой дух. Вхожу в дом через дверь гаража, не оборачиваясь назад, стараясь не слышать, что он где-то там, позади. Спускаюсь вниз, переодевшись и застаю Тима в гостиной.

Стоит, сложив руки на груди перед линией фотографий нашей семьи в разные периоды общего необъятного счастья.

Казалось, бесконечного на тот момент...

«Ты сам все разрушил!», – убеждаю себя в этом, чтобы рвать эти нити безвозвратно, но так больно это... как же больно.

– Ты поверишь, я помню дату каждой фотографии что тут стоят?

– Поверю, потому что и сама их наизусть знаю.

Тимур повернулся своей массивной фигурой и встал напротив. Между нами был только журнальный столик, но если исчислять его в величине измерения, то он мог быть километровым. Таким казалось расстояние, между нами, не меньше.

– Ты хотела поговорить?

И по классике жанра все слова исчезли вдруг. Я же понимаю, что сейчас должна поставить точку, но как же это тяжело. Почему у него вышло это сделать так легко со своей Мирой, а я стою и жмусь?

«Потому что ты все еще его любишь, Кира!».

– Хотела Тимур. Хотя ждала, что ты первым придешь, но это уже неважно. Теперь вот смотрю на тебя такого спокойного и все мои мысли о том, «как» сказать и «что» ушли. Остались лишь факты.

– Какие? – сует руки в карманы своих брюк рабочих.

«Я буду любить тебя вечно... мой неродной», – признаюсь в любви своей потерянной недавно душе и отвечаю.

– Я подаю на развод.

– Ты что... Ты подаешь на развод, Кира?

Ошеломлен. Потерян. Растерян.

– Да. Завтра этим займусь в обеденный перерыв.

– погоди, – пытается обойти столик, но я выставляю руки.

– Не надо. Сохраняй дистанцию, пожалуйста.

Не подходи. Не трогай грязными руками.

Твои права на мое тело действительны.

Внутри меня теперь измены камень.

И твои выпады, слишком унижительны.

(с) Лила Каттен

– Да какого, черта? Какой развод?

– А ты считаешь у меня мало оснований для него?

– Ты все про тот ужин? Кира, я же объяснил...

– Тим, а как давно я стала ненормальной и закатываю истерики по поводу твоих ужинов? Я настолько глупа и не понимаю, что это часть твоей работы? Неужели ты думаешь, что я увидела тебя с той девушкой и меня вдруг перемкнуло? Неужели ты ни разу не подумал о том, что я могла видеть гораздо больше?

– Послушай. Черт, – трет переносицу, встав ко мне боком и запрокинув голову, а я жду, когда начнет оправдываться. – Это не то... Кира... Дорогая...

Он пытается придумать себе алиби, ищет слова, а меня в этот момент будто в грязь снова толкают и толкают.

– Неужели я не заслуживаю правды, Тимур? – голос сры-
вается и лицо, которое было смирным, тает, намокая под мо-
ими слезами.

Потому что это до того обидно и горько, что я больше не
могу стоять и делать вид, что мне все равно.

– Только не плачь, Кира.

– Я плачу с пятницы. Мои слезы заметили все в нашей се-
мье, кроме тебя. Поэтому давай ты сейчас не будешь делать
вид, что тебя это как-то беспокоит.

– Но меня беспокоит... все, что связано с тобой и нашими
детьми и нами... Меня все это беспокоит.

– Когда ты совал свой язык в рот той девке, тебя мало
беспокоило, что я или же твоя дочь, общие знакомые могли
тебя видеть, Доронин.

Он застывает точно скульптура гипсовая. А мне хочется
толкнуть, чтобы разбился, подобно мне в тот день...

– Кира... Я ошибся, и я знаю это. Я готов просить проще-
ния у тебя и соответствующее наказание. Но развод...

– Хочешь сказать, что между вами были только слюнявые
поцелуи?

– Кира... – отворачивается, мечась по комнате.

– Хоть раз в жизни, можешь быть честным до конца?

– Я был с тобой честен всегда.

– Тогда оставайся таким и сейчас. Я хочу знать правду.
То ты мне говорил, что я себя накрутила по поводу девицы,
сейчас согласен с моими словами о поцелуях, потому что я

их видела лично, а что дальше?

– Ничего. Я отвел ее в отель.

Вот так просто? Отвел в отель, на просьбу сказать правду? Сделать для меня поблажку в знак уважения за столько лет честной и преданной любви?

Смотрит в мои глаза, бегая своими по лицу, не останавливаясь в одной точке. Я вижу смятение, вижу все, что он чувствует, а он, кажется, не видит ничего... Ведь я не прячу свою боль, показываю ее открыто. Видно зря.

Я стою на пороге испытаний и новой главы. Снова моя жизнь разделится на «до» и «после», как до встречи с Тимуром. Тогда я вступала в мир счастья и любви, обретая его, а сегодня я его потеряю. В том, что это конец я не сомневаюсь. Мужчина, решивший прикоснуться к другой, и испытать чувства автоматически перестает быть моим и нужным мне.

– Отвел в отель и поехал домой ко мне? Так? – не отвечает, и теперь больше не смотрит в глаза. – Стал прикасаться ко мне грязными губами, руками... Вот только я все видела сама.

– Что видела?

– Ваш красивый выход из ресторана. Ваши обжимания, поцелуи. Траекторию движения к отелю. А что дальше?

– Кира прошу...

– Просишь? Как просила тебя она?

– Что? – оторопев смотрит, пытаюсь понять, то я имею в

виду или нет.

– Молодец, что не мучил долго свою детку, Тим, – произношу леденящим тоном.

Холод сквозит отовсюду. Из каждого взмаха ресниц, из каждого вдоха и выдоха...

– Ты...

– Была там. И все видела своими глазами. Потому что, скажи мне кто-то, что мой верный и... – ломаюсь морально и сил нет, – любимый муж... Мой Тимур мне изменил и пошел в номер с какой-то девицей, я бы рассмеялась, еще бы и в лицо плюнула. Так сильно я верила тебе... любила... А ты... ты...

Голос срывается, и камень в горле давит на голосовые связки, что даже перекрывает кислород. Глаза режет от сухости и заполняющих их капелек соленых, обжигающих слез, а он стоит с поникшим видом и опустошенными глазами смотрит на меня. Смотрит, как рушится его Кира.

Как на колени падает подкошенная унижением, по-прежнему верная жена и мать его детей.

– Ты привел ее в место, которое мы называли нашим. Нашим, Тимур... Как ты мог так поступить со мной? Как ты мог... Это была наша постель, наш вид из окна, наш мир.

– Кира... – на его щеках блестят слезы, которые катятся к кисти, обхватившей челюсть.

– Посмотри, что ты сделал? Ты же... Ты же все разрушил. Ты втоптал в грязь годы нашей жизни. Нашу любовь и лю-

бовь детей, их веру в семью. Ты все это сломал, уничтожил. Как ты мог так поступить с нами всеми? Ты ходил с ней в наш ресторан, в наш отель, номер, который мы снимали все эти годы с момента открытия гостиницы, чтобы сбежать от суеты и побыть наедине. Боже, ты все это перечеркнул. Ты меня унизил так, что я смотрю на себя в зеркало и вижу клеймо на лбу. Ты совершенно не думал обо мне, ты ни секунды обо мне не думал в объятиях чужой женщины, пока я сидела и ждала тебя на ужины. Ты променял нас на нее. Осознанно. Ты потерял меня Тим... – дрожащими губами говорю ему. – Ты меня потерял навсегда.

Размашисто стираю проклятую влагу, от которой щиплет кожу вокруг глаз. Стараюсь восстановить дыхание.

– Я тебя не прощу... Я никогда не забуду того, что ты сделал. То, как ты лгал, как был с ней там в кровати на белых простынях... Ты настолько противен мне, что я готова содрать с себя кожу от мысли, сколько раз ты приходил домой после нее и трогал меня этими руками, губами...

– Нет... нет... Кира, – подходит ближе и, взяв за плечи, начинает нести какой-то бред мне непонятный. – Клянусь все не так... точнее... Да, я это сделал, но не совсем... Я...

– Отпусти меня, – отталкиваю и сама отхожу в сторону. – Даже близко ко мне не подходи. Меня тошнит от тебя... – выплевываю ему в глаза всю мерзость, испытываемую мной. – Я видела то, что видела и не смей говорить, что «все было не так». Может дурой я и была эти три недели, или

сколько ты там кадрил эту Мирославу, но с той пятницы моя вера в твои слова и тебя самого равна нулю.

– Милая, прошу, выслушай меня. Я виноват, я знаю. Не снимаю вину и не ищу оправданий. Просто выслушай...

Но я не хочу слушать сейчас. Я хочу быть услышанной им!

– Ты бессердечный циник. Записал ее как мужчину. Врал с самого начала. Как она вообще посмела звонить тебе домой? Как ты это допустил? «Мальш», «Тимур». ты правда поверил, что она позвонила и молчала? Связь оборвалась? А если бы она позвонила на городской и стонала твои позывные в трубку? Твой сын видел, что я не ночую в нашей комнате и решил, что мама с папой разводятся. Твоя дочь нашла помаду этой девки в твоей машине. Твоя рубашка была перепачкана алым цветом ваших забав ночных. Она носила все это в себе и не знала, как поступить, видя меня с красными глазами. Она плакала и просила прощения у меня боясь, что я ее оставлю. Она не верит, что ее отец мог так поступить со мной. Если за свои слезы я тебя не простила бы, то за ее сердце, которое ты разбил, я тебя вдвойне презираю.

– Твою мать... – внезапно кричит и хватается за волосы сев в кресло. – Прости, умоляю тебя, прости-и-и...

– Прощу... – произношу изломанным голосом. Тимур поднимает голову и смотрит с надеждой, ожидая следующих моих слов. – Когда-нибудь я это сделаю. Ведь ставить эту боль на пьедестал не вижу смысла. Но произойдет это в тот момент, когда я пойму окончательно, что готова идти вперед

и не оглядываться больше назад, ища там тебя. Но запомни, я никогда не вернусь к тебе.

– Кира... – надтреснутым голосом произносит мое имя.

– Я свое слово сказала.

Глава 9

Тимур

Мы оказались замершие в пространстве. Два человека любящие еще недавно так сумасшедше. С первой секунды...

А сейчас моя хрупкая и нежная Кира была сломана мной. Я предал ее. Предал нас.

Я готов содрать колени в кровь, но это не та цена, которая соизмерима с тем, что она испытывает сейчас. Есть ли вообще шанс на то, что женщина может простить то, что я совершил?

Что я должен сейчас делать? Что я должен сказать? Все было не совсем так? Я не смог сделать того, что собирался? Сделал наполовину? Какой же бред.

Как объяснить то, от чего сам прихожу в ужас? Как сказать ей, что она все, что я хочу. Будет ли это звучать так же, как звучит внутри меня? Где грань доверия, которую я сам того не ведая, стер в прошлую пятницу? Возможно ли ее восстановить?

Мои дети... моя Кира... моя семья... Кто я теперь в этом доме? Как объяснить им всем, что я все тот же Тимур, отец, муж, только совершивший ужасный поступок? Что я не превратился в то чудовище.

Она не смотрит на меня. Разочарование в каждом вдохе и выдохе, ударе пульса, взмахе ресниц и боль... ее боль, которой слишком много.

«Ты урод Тимур! Ты виновен!»

Я знаю. Знаю...

И больше всего, что меня размазывает это убитое доверие моей жены, дочери и сына. Кто я теперь в их глазах?

– Милая, я знаю, что мои слова сейчас только больнее делают. Поэтому я прошу не торопись. Давай это будет пауза?

– Пауза? Думаешь, что после временной передышки я перестану видеть ту картину, смотря на тебя? Ты думаешь, что чертова пауза мне поможет? Этот город кажется мне спичечным коробком отныне, чтобы ходить на одних улицах и дышать одним воздухом с тобой. А ты думаешь я смогу когда-то жить с тобой в одном доме?

– Но у нас будет время, чтобы я тебе все рассказал.

– А ты уверен, что я хочу и буду это слушать? Твою очередную ложь, или же рассказ о том, как ты сломя голову и, оставив дома меня, пошел соблазнять ее?

– Кира, все не так. Совсем не так.

– А как? Ты переспал с ней ради контракта?

– Что? – не выдержав выкрикиваю свой вопрос. – Что за бред?

– Вот и я думаю, что все бред, кроме того, что и так лежит на поверхности. И этой правде, какой бы гнилой и отвратительной она ни была нет иного описания. А оправдания тем

более.

– Малышка моя...

– И перестань кликать меня как животное. Хотя теперь я понимаю все эти «детка», «малышка». Сложно, наверное, было? «Кира», «Мира», – горько усмехается.

Пытаюсь встретиться с ее взглядом, но она не позволяет. Хочу поймать наш прежний контакт и все сказать. Она ускользает. Не желает видеть меня.

– Прости, больше не буду.

– Нам нужно решить важные вопросы...

– Кира, пойми, – перебиваю ее, потому что пришло время нести ответ. – То, что я натворил было и есть неправильно. Я знаю все сам, не нужно мне об этом говорить. Мне стыдно. И... самому противно настолько, что, когда ты отстранилась от меня, я был даже рад этому. Потому что знал, что ты этого не заслуживаешь. А рассказать тебе просто не мог. И мне жаль. Поверь, мне очень жаль, что ты все это видела.

– Ну да. Иначе и не узнала бы какой ты лгун и обманщик.

– Ты хотела поговорить, и ты сказала все что хотела, позволь это сделать мне, прошу.

– Я о разводе хотела...

– Я не могу согласиться на развод по своей воле.

– Это еще почему?

– Потому что тогда я потеряю тебя навсегда. А я не могу... я не хочу этого, слышишь? Я тебя люблю.

– Не смей, Тим. Ты не знаешь, что значат эти слова. Любя,

не идут к другой. Не унижают. Не марают грязными руками чистое тело жены. Не изменяют... Поэтому не говори то, о чем не имеешь ни малейшего понятия. Это я любила из нас двоих. Только я!

Какой идиот. Как ей доказать? Когда? Когда придет момент и она сможет меня простить? Услышать?

– Кира, я пока не знаю, как все исправить, но я обязательно докажу тебе как ты мне дорога. Ты и наша семья. И я понимаю, сейчас ты чувствуешь, что ничего нельзя изменить, но...

- Хватит. Ты понятия не имеешь о том какво мне сейчас. И уж тем более не дорожишь тем, что имеешь. Ты тут рассуждаешь о ценности, о любви и доказательствах, но я видела, как ты был «опечален», когда зажимал эту Миру. Как вы улыбались и... Плевать ты хотел на меня и свою семью и тогда, и сейчас. Тебя к стенке прижали, и ты боишься лишиться комфорта. Я для тебя, как само собой разумеющееся шла в придачу к материнским обязанностям и хозяйским. Кира рядом, Кира тут. А что там внутри у нее какая разница. Она же не узнает.

– Кира...

– Почему, Тимур? Зачем ты это сделал? Кто эта женщина? Вздыхаю и больше не молчу:

– Мирослава одноклассница моя, Андрея – Иры мужа и...

Сони.

Она недолго сканирует мое лицо и садится в кресло.

– Продолжай.

Несколько недель назад

– Ты только что принес компании десять миллионов, Тимур, – хлопает по плечу, после удачной сделки, которую я довел до конца, генеральный.

– Федор Тимофеевич, теперь главное, чтобы аккуратно ездил. Но опыт был интересный. Машины такого класса я не страховал еще.

– Тогда радуйся. Крупный банк вышел на поиски новой компании страховой. И говорят там есть разного рода контракты. Смотря, кто предложит свои услуги. Ну там критерии и все прочее. А мы, как ты знаешь, в рейтинге почти на первых местах. Нам повезло, что Павлов недавно взял под свое крыло «Риден». И если мы его сейчас обойдем и покажем результат, станем первыми с контрактом на три года, но это еще не точно.

– Ну что ж. Сделаем все возможное. Представители банка связывались уже с нами?

– Была рассылка. И нам на почту она тоже упала.

– Значит, нужно прийти первыми, чтобы показать свою готовность.

– Она уже тут.

– Кто?

– Контрагент по делам страхования.

– Быстро.

– У них горят сроки. На рассмотрение всех заявок месяц.

Так что сам понимаешь.

– Тогда приступим.

Беру папку с документами и презентациями нашей фирмы. Но все это бумажки. Главное всегда в голове и на языке. То, что будешь говорить и как влияет на клиента в первую очередь твоя уверенность, а отпечатанные цифры наглядная ерунда, по сути.

Вхожу в кабинет, куда отправили представителя банка, и улыбаюсь.

– Добрый день. Меня зовут Тимур Владимирович Доронин.

Девушка поворачивается, и я пытаюсь понять ошибся или нет.

– Доронин?

– Мира?

– Ничего себе, Владимирович. Сколько лет.

Одноклассница встает и тут же подходит обнять, отбросив напускную стерву.

– Вот уж точно лет. Как ты?

Сажусь в кресло напротив нее все еще потрясенный тем, что увидел свою одноклассницу.

Мысли сразу перекликаются с последней нашей встречей и мы, кажется, оба становимся на тонну печальней.

Это были похороны Сони. Сразу после того, как родилась моя дочь.

Я даже не успел обрадоваться новому званию – отец, как

получил второе – вдовец.

Счастье и боль соединились вместе с разницей в сутки.

– Кажется, прошло семнадцать не так ли? – вижу, как ей некомфортно.

– Именно.

– Я не так давно вернулась в город. Работала в филиале банка на юге страны.

– Вот как, решила вернуться назад?

– Я бы не возвращалась.

– Прости, это, видимо, личное...

– У меня тоже умер муж. Мы познакомились там. Пожились. Восемь лет каких-то и на тебе.

– Мне жаль.

– Спасибо. Как-то не верится до сих пор.

– С этим остается только жить, Мира. Поверить сложно, но у тебя не остается выбора, – переносишь в те годы, когда остался один без моей жены, друга, товарища, любви... первой и такой, казалось бы, детской, которая переросла в нечто большее.

Я всегда знал, что мы будем вместе вечно. Но жизнь отвела нам не так много времени.

– Значит, и через столько времени болит?

– Болит...

– Ты не женат?

– Почему? Уже как двенадцать лет официально. У меня помимо Лили еще сын, Миша.

– Ого, поздравляю. И кто же эта негодница так надолго укравшая у прекрасной половины человечества тебя?

– Я бы сказал навсегда. На меньшее не согласен. Прекрасная женщина – Кира. И ты не поверишь, нам даже фамилию менять не пришлось.

– Да ну? Вот совпадение. Я очень за тебя рада, Тим. Правда.

– А у тебя дети есть? Или может...

– Брось, какие дети? Это не мое. А ты все такой же кудрявый я смотрю.

– Какой есть. Ты тоже прекрасно выглядишь.

– Только не называй эту цифру. Пусть мне будет, как и тогда двадцать три.

– Боюсь тебя расстроить, но это не будет длиться вечно.

– И все же, ты меня расстроил.

– Приступим к делам?

– Конечно, – она улыбается и, выпрямив спину, меняет маску лица на профессиональную.

Обговариваем спектр услуг. Многие нюансы. Дополнительные гарантии и прочее связанное с обеими сторонами.

– В общем, мы лучшие среди лучших. А там уже твоему руководству решать.

– Они выбирают между вами и конкурентами. Ну может, ради приличия рассмотрят пару других вариантов. Пока, собираю всю информацию видно будет. Хотя знаешь, объективно я бы не заезжала на другие встречи. Мое видение я им

уже высказала заранее. Но кто принимает решение так с ходу? Уж точно не те, кто держит в руках миллиарды. Спасибо за встречу. Давай я запишу твой номер, а ты мой. Полагаю, не раз мне придется к тебе обращаться за уточнениями. Или визитку свою дам.

– Да, конечно.

Диктуем цифры друг другу, и я, как в школьные времена записываю ее «Мир».

– У меня, оказывается, был твой старый телефон, представляешь. Туда и добавила. Рон.

Смеюсь со школьного прозвища.

– Пойдем, провожу.

Спускаемся вниз и не умолкая вспоминаем детство, учебу, Соню. Все проносится калейдоскопом перед глазами от ярко-желтого до черного и обратно.

Это становится первым вечером, когда я опаздываю домой к ужину. Потому что еду на кладбище по темному, скользкому городу, побыть немного с ней.

Глава 10

Через неделю Мира позвонила и пригласила на обед. Мы действительно долго не виделись и, в общем-то, было что обсудить.

Рабочие моменты быстро сменились чем-то личным. О Кире я мог говорить часами, потому что она та, которую я люблю и хочу быть рядом. Но о Соне, не понимая пока, что это неправильно я поговорить уже не мог вот так открыто, когда вздумается. И когда выпала случайность, то я решил, что это можно.

В какой-то момент рамки правильного и не очень, настоящего и давнего прошлого спали. Я перестал видеть эти границы и те три года, что жил только Лилей и попыткой вообще выбраться наружу оказались маленьким сроком.

Поэтому я еще не понял тогда, что поступаю неправильно по отношению к Кире. Я не только говорил, я еще слушал.

Мира рассказывала о своем муже. О своей жизни. Мы понимали друг друга. И в те секунды и минуты наших нечестных ужинов, задержавшихся переговоров мне казалось, что только она меня понимает.

Глупо. Тупо. Безрассудно. Но я так считал. Смысл мне говорить, что я не понимаю сейчас? Сейчас как раз таки я вижу все иначе, но тогда, мне все виделось иным.

Мира не была той, кто принимает решение окончательное для банка. Но и немаловажное. И как она сказала, что банк оформит годовой контракт и в дальнейшем, если все устроит обе стороны, он будет продлеваться сразу на три.

Я расслабился. Все, что мог я сделать, пусть решают сами. Но приходя домой ощущал себя лжецом.

У меня вдруг не оказалось силы воли противостоять памяти.

Мы с Соней были вместе со старшей школы. Первые поцелуи и прогулки, первая ревность, что я посмотрел на другую девчонку. Мы были первыми друг для друга во всем. И это было прекрасно.

Дружба и симпатия сменились осознанной любовью. Желанием жить друг для друга. Университет едва остался позади. Планы, которые мы строили, оказались, еще грандиозней в итоге.

Свадьба. Ребенок. Мы поднимались по ступеням одновременно шагая.

А потом все внезапно закончилось.

Я и понять толком не успел, как вдруг остался один с маленьким ребенком на руках в двадцать три года. Потеряв не только любовь, но и надежное плечо в виде моей жены.

На работе Мира зарекомендовала себя как стерва и сложно поддающийся контролю клиент, но я знал, что она другая. Точнее, она такая и есть, просто не со всеми. Поэтому говорить, что мы одноклассники я не стал, чтобы, если руко-

водство ее банка не примет в нашу пользу решение, не было потом удивленных взглядов, что я не смог попросить ее об услуге. Бизнес остается бизнесом, особенно если ты в нем винтик, а не главная деталь.

Этот месяц стал каким-то странным для меня. Контракты и клиенты продолжали идти. Я работал, но мне казалось я становился слишком далеким для всех, даже для себя.

Плюс начинался отчетный период, а это вечные переработки. Дома была Кира и с ней не нужно было говорить. С ней я хотел в обнимку упасть в кровать и долго целовать.

Я люблю ее губы. Ее изгибы стройного женского тела. Совершенного такого... Ее голос, мягкость кожи, дыхание, пульс...

Но открывая глаза, я ощущал себя во многом предателем. Я пробудил память и не мог усыпить ее вновь.

Соня оставалась в моем сердце, это не изменить, но теперь в нем была хозяйкой моя Кира.

Мысли хаотично атаковали меня каждый день.

Чертова пятница стала успехом, за который я заплатил слишком высокую цену в итоге. Подписанный контракт.

Ужин заказали для празднования в ресторане «Мишель».

Странно было ехать туда без Киры. И как раз таки улыбки Миры и частые взгляды, которые я расценил как надо, стали сигналом. Я не хотел, чтобы моя жена это видела и поняла все неправильно. В последний момент не стал ее звать.

Казалось, что так было лучше. Пора было прекращать все

эти вечера самокопания в прошлом. Слишком затянулось это все.

Народ разошелся быстро после ужина, а Мира, немного выпив у бара, осталась.

– Слушай, я могу вызвать тебе такси или... – расслабил галстук, который уже сильно надоел за этот день.

– Тим, потанцуй со мной? Меня уже так давно никто не обнимал.

– Мира, поехали.

Наверное, я уже в тот момент знал, что все кончится плохо, или же старательно не замечал эти сигналы. Сейчас даже самому себе сложно признаться.

– Как только его не стало я ощутила, что это не повторится, понимаешь?

Конечно, я понимал. Прошел все давным-давно.

Подхватил девушку, и пока она висела на мне изображая танец, позвонил в отель, который рядом стоит и так хорошо мне знаком. Проспится и поедет домой утром.

– Здравствуйте, это Тимур Доронин, можно на эту ночь забронировать номер... – не успеваю договорить, как Мира начинает падать.

Подхватываю ее и кладу руки на себя, накидывая на нее шубу. Кое-как выходим. Благо у нее ноги передвигались как надо.

Вот только лягнув какую-то ерунду, мы смеемся, а она вдруг начинает меня целовать.

И смешавшись все в одно, мир катится к черту. Моими руками.

Я не представлял на месте Миры, свою жену.

Но траектория вышла привычной и правильной. Ресторан. Тот же ресепшен, те же администраторы. В голове по-прежнему нет объяснения, почему все слилось в одно.

Уже в номере, когда мы оказались полностью раздетыми и она, застонав слишком пошло, я очнулся и понял всю катастрофу своего наиглупейшего поступка. Я был на грани измены, или изменил еще до того, как оказался тут, но что это меняет? Ничего. Я голый с обнаженной девушкой, вот что здесь сейчас произошло.

Даже не знаю, что говорила она, что отвечал ей я.

Отпрянул от нее и не мог поверить, что это был тот же номер, который мы с Кирой снимали, часто убегая от повседневности на выходные. Даже свечи администраторы успели зажечь. А мне хотелось все тут сжечь к черту вместе с собой.

– Твою ж мать...

Мира посмотрела на меня и начала громко смеяться, лежа, также не прикрываясь в кровати, которая теперь казалась какой-то грязной.

– Брось, малыш. Оставь свою одежду и иди ко мне.

– Какого... Какой я тебе на хрен малыш?

Быстро оделся и, проклиная себя, выскочил на мороз.

Сел в машину и трясущимися руками выкрутил ее в сторону нашей квартиры, которую мы недавно купили для Ли-

ли. Сходил в ней в душ и сел на диван в небольшой студии, откуда окна выходили на ночной город.

«Ты заигрался Тимур».

– Гребаный кретин.

Написал Кире единственное что мог, о задержке и сидел, пытаюсь понять, что делать дальше.

Я не хотел говорить ей правду. Я не хотел и лгать. Я завис посередине. Ровно по центру и не мог решиться на что-то.

Как я скажу ей о том, что сделал? Как смогу объяснить?

Приехал домой, постарался быть, как прежде, пока не приму решение. Но если вдали от нее я думал, что выйдет все, то рядом мне казалось, что я мараю ее своим поступком.

Она отстранилась словно за секунду от меня, и я в какой-то степени посчитал это передышкой. Хотел собраться. И оказалось, что я уже давно чужой не только для себя, но и для нее самой.

Она все знала и видела. Мои дети в итоге все знали и мне не было оправдания. Как и причин. Я хотел ее прощения, но пока что сам себя простить не мог. Как это сделает моя Кира?

Я сам все загубил. Только я один. Просто убил годы уважения и любви.

Посмотрел на нее закончив свой монолог и понял, теперь точно конец.

Заслужил. Обязан отпустить, чтобы вернуть вновь. Потому что я ее люблю. Потому что она мне важна. Потому что

она моя!!!

Кира

Когда он закончил говорить, я была нема.

Я ожидала чего угодно, и в какой-то степени я хотела, чтобы он просто изменил мне с этой девкой просто так, без повода. Но то, что я слышала, не шло ни в какие рамки моего понимания.

Правда всегда пугает. Та, что я слышала, была еще более гнусной и подлой. Он уничтожал во мне все светлое, что было между нами и даже не понимал этого.

– Вот значит, как все было.

– Я не горжусь тем, что сделал. И хочу вымаливать прощение у тебя.

– Прощение? А за что, Тимур? За что именно я должна тебя простить?

Он непонимающе посмотрел, и я знала, что он совершенно не понимает, что я слышала сейчас нечто большее, чем рассказ его измены.

– Простить за причиненную боль. За то, что поступил как подлец и решил, что прошлое имеет право быть в настоящем. За то, что вытащил все это в нашу семью и разрушил ее. Я не хотел этого. Но и оправдания не ищу. Совершенное не воротишь. Я могу только сделать так, чтобы ты меня попыталась простить, хотя бы сделать шаг в эту сторону.

– Сегодня утром, наша дочь сказала такие слова: «Я думала, что если любишь, то это навсегда!». И сейчас я поняла, что она была права.

– Кира, ты все не так поняла. Я отпустил ее. Полюбил тебя.

– Но ей ты бы не изменил. И твоя «любовь» ко мне, словно стечение обстоятельств Тимур.

– Кира, нет смысла говорить о Соне и том, что было бы и так далее. Есть мы. Я и ты. Наша семья.

– Семья? Тим, ты что даже не допускаешь мысли, что я уйду? Что не прощу тебя? Неужели ты решил, что я такая сильно влюбленная женщина, не выдавшая других мужчин, никуда не денусь от тебя?

– Кира, я так не думаю, потому что знаю, насколько ты замечательная мать, женщина, хозяйка и какой можешь быть в любви. Я боюсь того, что ты уйдешь. Я этого очень боюсь.

– Все это ложь. Быть может, у меня нет прошлого, как у тебя и памяти о прошлом, но взять и пойти с другим мужчиной, в каком-то странном порыве и оказаться в постели... Боже, да ты хоть понимаешь, что натворил? Тим, ты не просто ее целовал. Ты с ней занимался сексом, словно нет ничего вокруг.

– Кира...

– А до этого встречался с ней тайком под прикрытием, чтобы повспоминать бывшую жену. Ты меня что, за идиотку держишь? Хватит. Я сказала, что подаю на развод. На самом

деле после твоих пояснений я вообще не вижу смысла в этих обсуждениях по кругу.

– Милая, я тебя прошу, давай возьмем хотя бы паузу. Подумаем обо всем. Потом встретимся и поговорим вновь. Дай мне маленький шанс, чтобы я мог исправить все, что сделал.

– Зачем? – не выдержав срываюсь на крик. – Ты не видишь, как ты меня ранишь? Каждым своим словом ранишь, Тим. О чем говорить нам потом? Это конец. Ты что так и не понял этого? И изменил ты мне не с прошлым. Прошлое стало поводом для того, чтобы проводить время с другой женщиной. И ты медленно, все прекрасно осознавая шел к этому вечеру. Приболевшая я, удобный отель, подвыпившая одноклассница. Лучше бы ты сказал правду, я бы оставила к тебе немного уважения, но ты по-прежнему лжешь, смотря в мои глаза.

– Я сказал все, что было в тот вечер, Кира.

– Если бы ты соскочил с нее, как ты утверждаешь, то столкнулся бы со мной на выходе. Я стояла на пороге номера не три секунды. Я шла за вами по пятам с разницей в пять минут. А теперь скажи мне, кто из нас двоих обманывает другого?

У меня даже не было слез больше. Я надеялась только на то, чтобы воздух не кончился в легких. Чтобы выстоять. Чтобы суметь собрать все силы и проститься здесь и сейчас.

Я блефовала, и в итоге его молчание стало ответом.

Нет, это бы не изменило моего решения о разводе, я про-

сто хотела правды, потому что мне казалось, имела на нее полное право.

– А ты думала, что я приду и скажу тебе, что переспал с другой и горжусь этим? Расскажу весь процесс? – наконец заговорил, но таким другим голосом, что не узнать.

– И в итоге ты решил сказать мне о том, что вовремя остановился, решив, что это за предательство не приму? Какой же ты... Я хотела, чтобы ты был честным и понять, как глубоко проникла ложь в нашу семью. Мне сейчас хочется прокрутить через мясорубку четырнадцать лет нашей жизни. То, как ты умело складываешь два и два, в итоге получая пять. О каком прощении речь? Я тебя не узнаю совсем. Словно это вовсе не ты передо мной.

– Но это я. И я оступился...

– Ты не оступился, – фактически смеюсь. – Ты все уничтожил. И еще вопрос: для кого стоит фото Сони в рамке?

– Ты ведь знаешь ответ на вопрос сама.

– Нет. Потому что я как дура боролась за твое сердце, сердце Лили, чтобы стать единственной. Лелеяла твои воспоминания, боялась случайно ранить и в итоге понимаю, что все было зря. Я никогда не боролась с ней. Я боролась с твоим сердцем за тебя, за кусочек его. Принимая благодарность твою за любовь, Тимур.

– А кто тебя просил это делать? – задает внезапный вопрос, который меня ставит в состояние шока и полной дезориентации.

– В каком смысле кто просил?

– Ты сейчас пытаешься сказать, что все, что ты делала лишь для того, чтобы тебе сказали «спасибо». Но об этом тебя не просил я. И все же я благодарен тебе за то, что Лиля имеет такую маму, как ты. Но лезть вон из кожи? Я тебя об этом не просил, Кира. Ты все это решила сама.

– Ну ты и мерзавец, Тимур. Такой подлости я от тебя не то чтобы не ждала, ты меня этим сейчас просто... просто убил.

– А что я должен был тебе сказать? Если ты все так преподносишь?

– Знаешь, я от тебя уже ничего и не жду. Все, что ты должен был сказать сам, вытянула из тебя я, в итоге получила то, что получила, и это станет для меня уроком. Не понимаю, о каком шансе ты говорил. Я с тобой развожусь и все.

– Кира, ты меня не слышишь?

– Я не хочу тебя больше слышать, Тимур. Мы разводимся и надеюсь, что ты не станешь, все это делать через суд. Подумай о детях хотя бы сейчас.

– Я тебя люблю, но я совершил ошибку. Большую ошибку и хочу, чтобы ты попыталась меня простить. Согласен, сейчас нужно побыть порознь. Но развод?

– Это итог твоих поступков. И не говори, что ты не знал, что бывает после того, как вдруг тебя несет на чужую женщину. Ты надеялся, что я не узнаю и неизвестно, сколько раз было до этого, и как долго бы продолжалось. Меня тошнит уже от этих разговоров.

– Это случилось впервые, клянусь. И ни о каких продолжениях речи быть не может. Я действительно сожалею. Знаю как тебе сейчас все это...

– Ой вот не надо. Даже твои вечера с ней меня обидели бы до глубины души, узнай я о них. А ты дефилировал с ней по улице на глазах людей, пошел в отель и переспал. Это, как добровольно извальяться в грязи – остаться с тобой. Я тебя любила и была рядом все эти годы, но тебе кажется все это приелось. Теперь живи как пожелаешь.

– Месяц. Давай возьмем месяц на подумать и немного прийти в себя. Мне сейчас тоже хреново. Думаешь, я не понимаю, что натворил? Думаешь, я не знаю, что сделал с тобой? И прости за мои слова. У меня к тебе больше, чем благодарность за эти годы. Я просто до сих пор не могу поверить, что это реальность. Я и ты порознь. Мне не жить без тебя, милая.

– Думаю, ты справишься. Уже начал это делать. И на месяц «подумать» я не согласна. Мне нужен развод. Здесь жить я тоже не буду. Куплю квартиру. Сбережений у нас достаточно.

– Да чтоб тебя... – вновь срывается и начинает ходить по комнате. – Я пытаюсь вести диалог.

– Да не хочу я с тобой говорить ни о чем больше.

Встаю с кресла и начинаю уходить.

Но Тимур быстро подходит и обхватывает за плечи, прижимаясь к моей спине своим телом, а лицом в затылок.

– Прости меня, родная. Клянусь, я сожалею о том, что сделал.

– Может, и сожалеешь, но это больше не имеет значения. Ты ко мне прикасаешься, а я вижу твои руки на ней. Я не бросаю тебя, Тимур, пойми. Нет, все не так. Это ты... Это ты бросил меня в тот момент, когда впервые подумал о том, что имеешь право прикоснуться к чужой женщине. Ты расстался со мной именно тогда, а все, что сейчас происходит, лишь последствия. Отпусти меня. Я хочу, чтобы хотя бы сейчас, ты уважал мое решение уйти.

– Я знаю, но отпустить насовсем я тебя не смогу никогда.

Он отходит дальше от меня, обдавая ледяной болью, выкручивающей все тело.

– Ты уже стер это никогда примерно месяц назад.

Поднимаюсь по лестнице и забегаю в комнату. Сердце колотится как сходящее с ума животное в закрытой клетке. А мне так больно, что даже пошевелиться не могу, прислонившись к двери.

Мобильный в кармане начинает вибрировать, и я вытаскиваю его дрожащими руками.

– Ир, ты не вовремя, прости.

– Мне, Кристина сказала, что... Как ты, Кирюш?

– Не знаю, как я. Будто выжгло изнутри. Разве такое бывает, Ир? Чтобы взять и разом уничтожить четырнадцать лет?

– Может мне приехать к тебе?

– Нет, я... Я сейчас возьму пару вещей и поеду к маме.

Дети у Кристины...

– А может, ко мне? Твоя мама сейчас будет рвать и метать, увидев в таком состоянии. Давай выплещись и поедешь к ней?

– Не знаю. Думать вообще не могу.

– Ты только за руль не садись сама. Сейчас скажу Андрею, он тебя заберет.

– Нет, я лучше на такси. Не хочу тут сидеть.

– Тогда я буду тебя ждать.

Осматриваю комнату, словно откуда-то издалека и, восстановив дыхание, бросаю в сумку разные вещи, даже не замечая какие.

Выходить из своего небольшого укрытия было так страшно. Будто там меня ждет чудовище, мимо которого я должна пройти. Но я вышла и, медленно спускась по лестнице, слышала Тима где-то там.

Дошла до двери и услышала голос позади.

– Зачем тебе уходить? Зачем переезжать и покупать квартиру?

– Потому что так начинают с чистого листа. Заводят новую тетрадь с новой обложкой.

– Куда ты сейчас? Ночь на улице.

– Неважно, главное подальше отсюда.

– Кира, останься. Не нужно...

– Пока, Тимур.

Выхожу в морозную ночь и давлюсь воздухом, застряв-

ШИМ В ЛЕГКИХ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.